

Искусство
The Art

Любви
of Love

Сергей Усков
Искусство любви

«ИТРК»

2012

Усков С.

Искусство любви / С. Усков — «ИТРК», 2012

ISBN 978-5-98575-454-4

Эта книга – не совсем обычна. Это и сказка, и быль, и вымысел, и реальность, и жизнь, и песня... Автор книги – не профессиональный писатель, но силой любви ему удалось создать книгу интересную, яркую, поражающую читателя своей искренностью и силой духа. Просто начните читать – и вы попадете в удивительный мир, который не захочет вас отпускать. Эвелина Ракитская, Член Союзов писателей Москвы и Израиля. Приглашаем читателей самим разобраться в сюжете, который соткала судьба из жизней главных героев, погрузится в мир невыдуманной любви и страстей, которые происходят сегодня, сейчас, в реальном времени... В этой книге действия выдуманных героев не заданы автором; он лишь описывает непредсказуемые действия реальных героев, которыми движет сила любви! Поэтому эта повесть не имеет окончания...

ISBN 978-5-98575-454-4

© Усков С., 2012

© ИТРК, 2012

Содержание

От издателя	5
От автора	6
Часть I	7
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	27
Глава 8	30
Глава 9	32
Глава 10	39
Глава 11	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сергей Усков

Искусство любви

От издателя

Эта книга – не совсем обычна. Это и сказка, и быль, и вымысел, и реальность, и жизнь, и песня...

Автор книги – не профессиональный писатель, но силой любви ему удалось создать книгу интересную, яркую, поражающую читателя своей искренностью и силой духа.

Пожалуй, в кратком предуведомлении не стоит пересказывать содержание. Просто начните читать – и вы попадете в удивительный мир, который не захочет вас отпускать.

Эвелина Ракитская,

Член союзов писателей Москвы и Израиля

От автора

*В любви, как и в искусстве, не нужно говорить того, что было
сказано другими.
Ромен Роллан*

В далеком уже сейчас одна тысяча девятьсот восемьдесят... Впрочем, какая разница, когда началась эта удивительная «жизненная история, похожая на сказку»? Она могла случиться когда угодно и где угодно... А быть может, лучше мы назовем ее «сказочной историей с жизненным сюжетом»? Хотя это и не столь важно.

Гораздо важнее, что эта фантастическая, невероятная история продолжается до сих пор, и ее непредсказуемый сюжет движет вперед не фантазия автора, а живые судьбы конкретных людей, их чувства, желания, их любовь... Только Любовь порождает поступки, о которых будет рассказано в этой повести. Только Любовью можно оправдать удивительные намерения и чудесные действия, непредсказуемые желания и странные метаморфозы. Любовь делает нас старше, если мы молоды; и моложе – если мы стары.

Над Ней не властно время. Как не властно оно над настоящим искусством...

Часть I

Кармела

Глава 1

Поселок у моря

Многие города и поселки имеют душу.

Там, где на протяжении сотен лет жили и живут люди, обязательно остаются следы не только их материальной деятельности, но и мыслей, страданий, радостей... И из этого эфира впоследствии возникают элементы нового живого существа-поселения. Оно, как и люди, имеет свою душу. Людские мысли и чувства, прежде разъединенные, кристаллизуются в нечто особое, отдельное от личных существований, и обретают какое-либо внешнее проявление: будь то величественные памятники и храмы города или своеобразная панорама поселка...

Во вновь же отстроенном поселении такой души нет. Она появится много позже, как только наберется «строительный материал» из людских судеб, их жизней и смертей. И только тогда проявятся элементы этого нового живого существа, которое будет иметь душу...

Но мы не выбираем место рождения. Мы просто появляемся на свет там, где нам довелось появиться, и это место становится началом координат, точкой, от которой каждый из нас ведет свой личный отсчет.

Кармела родилась в мексиканском поселке Теокуилько, и ее вселенная началась именно там: оси абсцисс, ординат – всё сошлось в Теокуилько. И как знать, не влияет ли место рождения на жанр наших жизней? Не берусь судить, но так уж вышло, что Кармела родилась в стране телесериалов.

...Рыбацкий поселок раскинулся у самого залива, в точности повторяя изгиб береговой линии. Домишки с москитными сетками вместо стекол хаотично возникали из буйных зарослей то здесь то там, и с высоты казалось, что это и не дома вовсе, а детские кубики, рассыпанные в траве шаловливым мальчуганом...

А на земле... В каждом таком «кубике» бедная многодетная семья проживала свою жизнь. Довольно однообразную на протяжении уже доброй сотни лет, но зато такую простую, понятную и неспешную, в отличие от сумасшедшей, непредсказуемой и опасной жизни в современных городах...

Семейство Гальегос ничем не выделялось из общей массы жителей поселка ни в лучшую, ни в худшую сторону: глава семьи – Пако занимался ловлей креветок в мелководной лагуне, его жена Тересия вела хозяйство, а когда начинался сезон сбора бананов, на несколько месяцев уходила работать на плантацию.

А дети? Дети вели себя так, как и положено детям – я имею в виду близнецов Энрике и Эрнесто. Марта и Асусена были значительно взрослее и уже во всем старались походить на Кармелу – старшую дочь в семье Гальегос.

...Только мать с отцом и видели ее ребенком. Да и то пока не родились другие дети. С тех пор Кармела ощущала себя абсолютно взрослой.

Братья и сестры были ей скорее сыновьями и дочерьми, нежели братьями и сестрами. Когда мать уходила на плантацию, Кармела оставалась в доме за хозяйку. По утрам она «изобретала» завтрак практически из ничего и провожала старших в школу, а затем носила воду,

стирала, шила и отчитывала младших за шалости. А вечером готовила на всё семейство бобы с острым перцем, пекла тортильяс¹ и чувствовала себя незаменимой помощницей...

Но в этом году мать вернулась с сезонной работы уже через два дня. Она рассказала, что банановые пальмы стоят голые, без листьев, а плоды высохли и сморщились от жгучего солнца. Управляющий объявил, что на работу никого не берет, поскольку урожая в этом году не будет: ветром на плантацию принесло болезнь под названием «сигатока». Все сезонники вернулись в свои поселки и обнаружили, что цены на бананы уже выросли в два с половиной раза. Казалось, повышение цен, как и «сигатока», разносится ветром.

...Тересия занялась детьми и хозяйством, а Кармела осталась не у дел – двух хозяек у одного очага не бывает.

Отцу же помощница требовалась лишь вечером на берегу, а не днем на воде...

Близнецы частенько крутились вокруг Кармелы, зная, что у нее всегда найдется что-нибудь вкусненькое для них. Так оно и было. Кармела не принимала участия в семейном ужине, а забирала свою порцию с собой «на танцы». В условном месте, на заднем дворе у сарая, она, прикусив губу, смотрела, как братишки жадно вгрызаются в такос², бурритос³ или энчиладос⁴ – их растущие организмы требовали еды почти непрерывно. Впрочем, эта ее секретная операция не являлась тайной ни для кого. Кроме самой Кармелы.

Но так долго продолжаться не могло. Каждый съеденный ею кусок она, по ее мнению, отнимала у семьи – и ей была почти невыносима эта необходимость брать что-то для себя: *брать*, а не *давать*. О, как же стыдно быть лишним ртом! Могла б она не есть, так и не ела бы – жаль, что она не могла...

Впрочем, жаловаться на голод в семье Гальегос было не принято... Да и кому жаловаться? Тересия, вставая ни свет ни заря, чтобы накормить Пако и проводить его на утренний лов, сама поест, случалось, не успевала; среди дневных забот было не до того, а вечером уже и не хотелось – все мысли были только об отдыхе. И она не жаловалась – просто она безмерно любила своего Пако и своих детей. Боль, голод, усталость и бессонница не вызывали в ее душе смятения и протеста – она не знала другой жизни.

Не было примеров для сравнения и у Кармелы.

Девушка не знала, сколько раз в день едят ее сверстницы из богатых семейств – в Теокуилько таковых просто не имелось. Не знала она также, сколько часов должны спать молодые девушки, чтобы у них не появлялись темные пятна под глазами, и сколько одежды должно быть в ее гардеробе, – она не помышляла о нарядах и свиданиях. Беззаботные гуляния с местными кавалерами, прихорашивания перед зеркалом и хрупкие девичьи мечты были созданы для какой-то другой жизни, для кого-то другого, а в ее жизни для них не нашлось места – и не имеет никакого значения, насколько она привлекательна. Это попросту неважно – так к чему об этом думать?

Впрочем, развлечений в поселке было не больше, чем еды в семье Пако Гальегаса. Для девушек – вечерние гуляния с местными парнями да танцы на пляже под ритмичные мелодии из магнитофона, который сосед Рауль подарил своему младшему брату Педро с первого заработка.

Кармела любила танцевать и двигалась так естественно и грациозно, что к ней невольно тянулись взгляды всех, кто находился поблизости. Как мелодия флейтиста из старой сказки, ее движения очаровывали, звали, дразнили и обещали. Парни не могли оторвать глаз от ее

---

¹ *Tortilla (ucn.)* – большая тонкая лепешка из кукурузной муки.

² *Tako (ucn.)* – сложенный пополам тортилья со всевозможной начинкой, в том числе и из морепродуктов.

³ *Burrito (ucn.)* – пшеничная лепешка; разновидность такоса, отличающаяся от него большими размерами и разнообразием начинки.

⁴ *Enchilado (ucn.)* – рулет из двух пластов теста с различной начинкой.

удивительно пластичного тела, и Кармела могла бы их всех увести за собой куда угодно, если бы захотела... Но никто из поселковых красавцев ее не интересовал.

Когда отцу еще не нужно было поднимать руку, чтобы положить ее на голову Кармелы, он рассказал ей историю, похожую на сказку.

...Давным-давно, когда их предки-ольмеки только пришли в эти места и строили священные пирамиды, дочь верховного правителя, красавица-принцесса влюбилась в молодого воина Ориса. Она бросила отца и мать и отправилась со своим возлюбленным в страну каучуковых деревьев, на родину ольмеков, чтобы создать род новых правителей. Разгневанный отец обратился к богам, чтобы они покарали его своенравную дочь. И древние боги превратили девушку в гору. А юноша-воин от горя превратился в вулкан и стоит теперь на страже рядом со своей возлюбленной... Иногда он отдыхает и курит свою трубку.

Отец указал Кармеле на высокую скалистую гору. Глаза пятилетней девочки широко раскрылись – над верхушкой горы поднимался вверх столб хорошо заметного на голубом небе серого дыма. Это не сказка, отец сказал правду! «Семью бросать нельзя, боги за это наказывают» – Кармела запомнила это навсегда.

И Божья Матерь Гваделупская (ее гипсовую статуэтку лет десять назад подарил Кармеле пастор) вряд ли одобрила бы девушку, которая не думает о своей семье. Она уже столько лет стоит на полке над изголовьем кровати Кармелы, что сама, наверное, стала членом ее семьи.

*Mozcorra*⁵ – так презрительно называли в Теокуилько женщину, которую мужчины интересовали больше, чем ее семья. Кармела никогда бы не получила такое прозвище! Она даже плечами передернула. У Кармелы была семья, и никакой другой семьи ей не надо: ни мужа, ни детей – никого.

Сидя поздним вечером на берегу залива, она прижимала натруженные за день босые ступни к прохладному, отполированному волнами камню. Обхватив колени руками, Кармела поднимала лицо к стремительно темнеющему южному небу и всматривалась в причудливую вязь созвездий, появляющихся из темноты, словно потайные письма. Отец верил, что древние боги зашифровали этой звездной тайнописью ответы на все вопросы на тысячу лет вперед – и стоит лишь разгадать шифр... «Прошу тебя, Пресвятая Дева, подскажи мне, что делать?» – шептала девушка. А небеса молчали...

...Но вот однажды она вдруг почувствовала, что знает ответ на свой вопрос. То ли Дева Мария услышала ее просьбу, то ли древние отцовские боги приоткрыли тайну, но решение пришло к ней... Простое, понятное и логичное – уехать!

Например, как соседский Рауль – податься на восток, в Коацакоалькос⁶, наняться в порт или устроиться на химический завод. Раулю там платят полторы тысячи песо⁷, а отец Кармелы на кроватках и одной не зарабатывает. На химическом заводе – это хорошая работа, что и говорить.

А в Веракрусе⁸ порт, говорят, еще больше, чем в Коацакоалькосе, и каждый день в него приходит много больших кораблей. Тем, кто работает в порту, платят, конечно, немало. Наверное, даже больше, чем Раулю. Наверняка больше...

– Что ты там будешь делать? – спросил отец, когда Кармела, собравшись-таки с духом, сообщила ему о своем решении ехать в Веракрус.

---

⁵ Потаскуха (*исп.*).

⁶ Город и муниципалитет; входит в штат Веракрус.

⁷ Денежная единица Мексики; десять песо равны примерно одному доллару США.

⁸ Город-порт на побережье Мексиканского залива; полное название Пуэрто-де-Веракрус.

Пако притянул дочь к себе, обнял ее и поцеловал в голову. Он делал так еще с тех пор, когда ему нужно было низко нагибаться, чтобы дотронуться губами до головы Кармелы. А сейчас ей приходится наклонять голову, чтобы отец мог чмокнуть ее в макушку.

– А что я буду делать здесь? Рауль зарабатывает там полторы тысячи песо, а у нас на всех едва выходит одна...

– Так то Рауль! Он мужчина...

Их взгляды встретились.

– Нет! – Кармела вздрогнула в его объятиях. – Я никогда не буду заниматься... *этим*. Ты мне веришь?

Но Пако лишь крепче прижал ее к себе, нахмурился и тяжело вздохнул: весь поселок слишком хорошо знал чудовищную историю, произошедшую в порту с дочерью Серхио Лопеса...

А посему провожали Кармелу как-то невесело; в воздухе витал молчаливый ответ на незадаанный вопрос: «Чем она будет заниматься там?» Начальное образование, привлекательная внешность и точеная фигурка предполагали не так уж много вариантов – и это было известно всем.

– Я... я буду приезжать к вам раз в месяц. И привозить деньги. – Ее голос дрожал.

Кармела старалась, чтобы ее слова звучали уверенно: ей хотелось, чтобы в родных глазах не плескался немой вопрос; ей хотелось заглянуть в них и прочесть там обещание счастья – ровное и теплое, как пламя свечи. Кармела чуть не плакала: ей так хотелось убедить родных в том, что у нее всё будет хорошо, что всё удастся и ей обязательно повезет, но... голос предательски дрожал, звенел и срывался.

Ей самой не хватало уверенности.

Словно перед ней вместо большой и спокойной реки раскинулось предштормовое море, куда она безрассудно отправлялась на старом *barcaza*⁹ – вроде того, с которого ловит креветки ее отец. Наивная девушка всерьез рассчитывала пройти на своем утлом суденышке сквозь шторм и достичь противоположного счастливого берега. Какая уж тут уверенность! Это была скорее упрямая вера: у нее всё получится, всё будет хорошо.

Но мать старалась не смотреть Кармеле в глаза, а лишь молча поправляла на ней блузку, совала в руки фибровый чемоданчик, куда были уложены документы, белоснежная юбка, старое, но самое красивое из ее «гардероба» черное платье, теплая кофта, да хмурила брови.

«Как бы *нам* не пришлось передавать деньги *тебе*, дочка, – думала Тересия, едва сдерживая слезы. – Езжай, раз вы с отцом так решили. Сюда вернуться всегда успеешь». Возможно, дочери и стоило уехать, но... Как примет ее девочку чужой город, кто возьмет на работу, где она будет жить? Доверчивый и наивный ребенок... Не обидят ли ее? Ох, Кармела... Тересия тяжело вздохнула, обратившись мыслями к Деве Марии.

Кармелу же больше заботило другое: ее собственные разношенные туфли теперь казались узкими, жесткими и чужими – ноги совершенно отвыкли от обуви.

Девушка долго и крепко обнимала всех по очереди, будто ей предстоит отправиться на край света. Прощание явно затягивалось, а ведь мотор грузовичка Серхио уже давно молотил вхолостую, двигая стрелку датчика температуры в красную зону – по средам владелец поселковой лавки ездил в Веракрус за продуктами. Наконец Кармела уселась на продавленное сиденье, и потрепанный «Додж» шестьдесят первого года выпуска довольно резво для своих лет побежал по дороге, выходящей вдоль побережья залива Кампече.

Солнце, еще недавно темно-красное, поднялось уже довольно высоко над морским горизонтом и с каждой минутой становилось всё белее и жарче. Кармела морщилась, но глаза рукой не прикрывала. Не было желания двигаться. Она словно оцепенела, только сейчас осознав

---

⁹ Большая (чаще деревянная) лодка с мотором (*исп.*).

до конца, на что решилась. Пусть трудная, но такая привычная жизнь в маленьком прибрежном поселке со скоростью пятьдесят миль в час уносилась назад, и с такой же скоростью приближался большой портовый город с огромными домами и тысячами незнакомых людей, полная самостоятельность в неполные семнадцать и... сплошная неизвестность впереди. Кармела крепко сжимала в кулачке свое новое сокровище – маленькую фигурку из гладкого зеленого камня на бронзовой цепочке, которую дал ей отец. Не подарил, а просто снял со своей шеи и отдал дочери.

Справа уже показались стрелы портовых кранов. Они постепенно росли вверх, оттесняя шоссе от моря. Еще немного – и Серхио остановит машину в порту. Дорога закончится и начнется что-то новое. Что?

– Посмотрите, сеньор Серхио, – Кармела протянула водителю «Доджа» зеленую фигурку. Это был похожий на кошку зверек, выгнувший спину и вытянувший вперед лапы. – Отец сейчас дал... Правда, красивый?

Коренастый Серхио, не отрывая глаз от дороги, кивнул головой. Грустная улыбка пряталась в его густых усах.

– Береги его, – он провел рукой по усам. – Пако тебе свой талисман отдал. Теперь ты точно найдешь работу.

– Правда? – обрадовалась Кармела. – Вы правда так думаете? – Она надела цепочку на шею.

– Найдешь, – уверенно кивнул головой Серхио. – Ягуар своим всегда помогает...

Он свернул к обочине, остановил машину и показал рукой на большой плакат «Gas» метрах в пятидесяти впереди.

– Ты вот что, Кармела, – Серхио повернулся к девушке и посмотрел на нее внимательно и серьезно. – Если работы в порту не найдешь, ночевать там не оставайся. Возвращайся сюда. Я обратно поеду поздно, ночью почти. Здесь буду заправляться, – его голос дрогнул.

Кармела посмотрела на него удивленно.

– Я обязательно найду работу, – сказала она без тени сомнения. – Мне ягуар поможет... Пожелайте мне удачи, сеньор Серхио!

– Удачи тебе, – Серхио не мог не улыбнуться, глядя в ее веселые глаза, правда, улыбка получилась грустной. – Но всё равно, пообещай мне, что вернешься сюда, в порту не останешься...

– Хорошо. – Кармела пожала плечами. – Обещаю.

Серхио отвернулся, вытер глаза тыльной стороной ладони, стараясь, чтобы Кармела этого не заметила. «Додж» снова тронулся и быстро набрал прежнюю скорость. До порта оставалось ехать еще несколько минут.

«Прошу тебя, Дева Мария, сделай так, чтобы я не вернулась на эту бензоколонку!» – упрямая мысль билась в мозгу Кармелы, вытесняя воспоминания о недавнем прощании на окраине пропахшего креветками Теокуилько.

...Возвращаться в поселок и с утра до ночи работать по хозяйству, лишь бы не чувствовать себя обузой в семье, как-то поддерживать стареющих родителей и... ждать своей старости? Ну уж нет! В Теокуилько никогда ничего не случается. Если юноша или девушка не уехали оттуда до двадцати лет, то остаются уже навсегда. Они женятся на соседских дочках, выходят замуж за знакомых с детства парней, рожают детей и... ловят и ловят креветок. Усатых креветок со светло-коричневым панцирем, сначала глупо хлопающих своими хвостами, стоит только вытащить их из воды, а затем сворачивающихся гладким, отливающим медью кольцом.

Кармела каждый день помогала отцу выгружать корзины. Затем начиналась ее основная работа – девушка сортировала креветки по размеру и качеству. Отборные продавались компании, всё остальное шло в пищу. Улов принимался охотно и в неограниченном количестве; и так же охотно Кармела была готова сортировать его... Но на беду, двигатель баркаса заво-

дился лишь тогда, когда этого хотелось самому мотору – а потому Пако редко удавалось добыть за день больше двух-трех корзин.

Впрочем, однажды ему повезло – он нашел стайку горбатых белых креветок и гонял их по мелководью до заката, орудуя веслами и стараясь выловить как можно больше. Перекупщик из упаковочной компании ждал его на берегу, сообразив, что просто так *el pescador de los mariscos*¹⁰ не будет торчать в море до темноты. Он заплатил Пако в три раза больше, чем за корзину обычных светло-коричневых креветок. Кармела тогда лишь плечами пожала – почему он называл тех креветок с темным панцирем белыми?

Со временем Кармела поняла: даже если отец будет каждый день таскать из моря «белых» креветок, то всё равно перекупщик выдаст ему за них жалкие гроши. С ними отец пойдет в лавку Серхио. Там купит фасоли, муки, чтобы Тересии было из чего выпечь тортильяс, и, конечно, возьмет бутылочку пульке¹¹, а то и текилы¹² для себя, чтобы хотя бы ночью забыть о креветках. Так пройдет вся его жизнь. Так прошла жизнь и его родителей... А как пройдет ее жизнь?

Кармела не хотела повторить их судьбу.

Очнулась она от резкого скрипа тормозов.

– Порт, – сказал Серхио. – Выходи.

Девушка выпорхнула из машины, подхватила чемоданчик и, хмелея от собственной смелости, неизвестности и отчаянной надежды, зашагала по улице. Будь что будет – лишь бы удача не оказалась миражом.

Водитель положил голову на скрещенные руки, лежащие на огромной «баранке», и сквозь затертое «дворниками» стекло смотрел на удаляющуюся девушку. По щеке катилась слеза, но Серхио этого не замечал. Восемь лет назад на этом же самом «Додже» он привез сюда свою семнадцатилетнюю дочь Адриану и так же смотрел, как она шла в сторону порта, полная радужных надежд. Она тоже не захотела оставаться в родительском доме. Он навсегда запомнил ее прямую спину и уверенную походку. Адриана скрылась за изгибом портовой дороги, а Серхио отправился в город по своим делам...

Через три дня тело Адрианы нашли между штабелями огромных контейнеров, которыми была заставлена вся грузовая площадка второго причала. Тело пролежало на жаре двое суток, и его увезли очень быстро и так же быстро похоронили, записав как неопознанный труп. И только когда Серхио, обеспокоенный отсутствием каких-либо весточек от Адрианы, начал наводить справки в порту, провели следствие и предъявили ему фотографии трупа, найденного на грузовой площадке...

Серхио жил на другом конце поселка и знал семейство Гальегос постольку-поскольку, но сейчас он чувствовал, будто провозжает в никуда собственную дочь!

---

¹⁰ Ловец морепродуктов (*исп.*).

¹¹ *Pulque* (*исп.*) – бражка из мякоти кактуса-агавы с крепостью пива.

¹² *Tequila* (*исп.*) – знаменитый крепкий мексиканский национальный алкогольный напиток.

Глава 2

Все будет хорошо!

Упругой и уверенной походкой она направилась в порт. Всё казалось предельно простым и ясным, будущее ждало ее за поворотом и приглашало отыскать его как можно скорее, а сердце выстукивало: «Всё-бу-дет-хо-ро-шо». Перескакивая через рельсы с пахнущими креозотом шпалами, она едва не потеряла туфли. «И почему в городе не ходят босиком? Это ведь так удобно!»

Порт оглушил Кармелу ровным настойчивым гулом. Внезапно она очутилась почти в самом центре кипучей деятельности людей и машин, которая не прекращалась ни на минуту. Словно ее проглотил какой-то механический левиафан, и Кармела вдруг обнаружила себя в его чреве, где ничто не напоминало ее прежнюю жизнь.

Девушка растерянно крутила головой, пытаясь зафиксировать взгляд на калейдоскопе из множества необычных картин.

Гигантские краны двигались в разные стороны, словно доисторические животные, а с судов долетали всплески отборной ругани; по рельсам тащился крошечный тепловозик, но Кармеле казалось, что это огромная машина, мчащаяся на бешеной скорости. Близко проехавшая фура обдала девушку пылью, заставив ее инстинктивно отпрянуть.

Никто, ровным счетом никто не обращал на нее внимания!

Однако же это не смутило ее: с удивлением и радостью находясь в этом организме, Кармела понемногу стала ощущать себя его частичкой! Порт будто принял девушку, и ей думалось восторженно: «Всё здесь железное и... какое-то настоящее!»

В эйфории она едва не угодила под погрузчик. Лихой водитель уже раскрыл было рот, намереваясь отвесить порцию брани, но девушка опередила его:

– Доброе утро, сеньор. Где здесь принимают на работу?

«Сеньор» сплюнул, ухмыльнулся и неопределенно махнул рукой в сторону неприметных трехэтажных зданий в глубине порта. Кармела не пошла – побежала: «Как я хочу работать здесь!»

Она с интересом разглядывала постройки: таких в Теокуилько не было. Кармела, конечно, видела небоскребы, но лишь на картинках в школьном учебнике, и хорошо понимала, что нарисовать можно всё что угодно, а вот увидеть своими глазами три стоящих друг на друге дома – совсем другое дело.

...Тяжелая дверь хлопнула у нее за спиной как выстрел, отделив тягучую, плотную жару от гулкой прохлады кирпичного холла. Девушка осмотрелась: грязные стены, лестница, ведущая наверх, ряд стульев с поднятыми к спинкам сиденьями, стол с телефоном и... равномерный слой пыли, покрывавший абсолютно все предметы. На грязном, затоптанном полу едва угадывался выложенный плиткой геометрический рисунок.

Заслышав шаги за спиной, она обернулась. Склонив голову набок и засунув руки в карманы, на нее внимательно смотрел высокий, широкоплечий человек в белом костюме, галстук и в смешной маленькой шляпе, которая едва прикрывала ему уши.

«Странная шляпа, – отметила Кармела, – под ней даже нос от солнца не спрячешь! Какой прок от такой? Покрасоваться разве что...»

И тут же другая, спасительная и счастливая мысль точно пригвоздила ее к полу: «Святая Мария, да это же *хозяин!* Только он может быть одет так красиво!»

– Доброе утро, сеньор! – У нее забилося сердечко. – Нет ли у вас...

– Работу ищешь? – Маленькие сальные глазки похотливо, но вместе с тем уверенно и привычно «раздевали» и оценивали ее: темные мягкие волосы, чуть длиннее, чем обычно у портовых проституток, немного вздернутый носик, чувственные губы. Густоватые брови вразлет

над большими, темными, миндалевидными глазами... Под одеждой угадывалось стройное, гибкое тело; талию подчеркивал тонкий пояс, отделяя искусно вышитую бисером, но застиранную блузку от выдавшей виды широкополой юбки...

– Я могу помыть пол, обратиться здесь... или... – Кармела прервала затянувшееся молчание.

– Мне не нужна уборщица. – «Хозяин» изобразил на лице подобие улыбки. – А ты ничего... – Он дотронулся рукой до ее щеки. – Вечером приходи сюда же; спросишь Габриэля Начоса. Пойдешь со мной, заплачу за ночь пару сотен.

Кармела вздрогнула, как от удара; ее лицо залила краска. Слова, сказанные отцу, молнией промелькнули в памяти. Девушка резко вскинула голову, отчего рука «хозяина» повисла в воздухе, и ответила наглецу возмущенным и полным достоинства взглядом. Ноги сами устремились к выходу, а вслед ей донесся самодовольный хохот.

Выскочив на улицу, Кармела решительно направилась вглубь порта. Лицо горело, словно это *она* только что совершила нечто очень постыдное. Но ведь она же не сделала ничего такого, за что ее могла бы упрекнуть Дева Мария? Не дала ему ни малейшего повода вести себя так безобразно!

Не получив работы, Кармела не была раздосадована. Просто произошла ошибка, и она попала не туда. Но где-то тут обязательно должна быть контора, где принимают на работу! Сейчас она найдет «правильную» контору, и ей дадут работу. Им наверняка нужна уборщица – ведь у них такой грязный пол! Всё очень просто...

Порт обволакивал ее своими звуками и отвлекал внимание непривычными картинками. Всё вокруг двигалось, гремело, стучало, гудело и сверкало под безжалостно палящим солнцем. Кармеле нравилось это непрерывное движение вокруг. Она проходила мимо пирсов, у которых стояли огромные суда, огибала широко расставленные ноги портовых кранов, уворачивалась от погрузчиков, беспорядочно снующих в обе стороны. Шум, от которого порой закладывало уши, вовсе не казался ей какофонией – он скорее напоминал странную, непривычную для слуха музыку. Такой же музыкой с детства казался ей шум морского прибоя. Она слушала его, когда сидела на берегу, ожидая отца, и воображала, какие страны можно увидеть, если переплыть расстилающееся до горизонта море. Но то была музыка моря, музыка Природы, а сейчас она явственно слышала музыку Работы.

Покрутив головой, она увидела метрах в ста от себя еще одно трехэтажное здание. Оно выглядело красивее предыдущего. Вокруг него, разбившись на группы по несколько человек, курили мужчины в сомбреро.

Площадка перед входом выглядела приличнее, входная дверь – солиднее, а вывеска была бóльшего размера; все говорило о том, что перед нею и есть та самая «контора»!

Однако Кармела, наученная горьким опытом, едва оказавшись в холле, пулей взлетела на второй этаж, опасаясь встретить на лестнице еще одного нарядно одетого сеньора, который будет предлагать ей заняться непотребством!

Разогнавшись, она смогла бы на одном дыхании преодолеть и двадцать этажей, однако лестница кончилась, и перед ней возник холл; справа стояли кресла, а слева – перегородка, за которой виднелась наклоненная голова мужчины.

– Увы, сеньорита, сейчас никакой работы для вас нет. – Пожилой служащий смотрел из-за конторки с сочувствием. – Зайдите через три месяца – на восьмом причале должны открыть столовую; потребуются уборщица и две посудомойки.

– Что? – Кармела отказывалась верить своим ушам. – Почему нет? Я могу помыть пол...

Телефонный звонок отвлек клерка от разговора с Кармелой. Отвечая на чьи-то вопросы, он то и дело хмуро поглядывал на девушку, которая не обращала на него внимания, полностью поглощенная осмыслением его ответа.

«Почему он сказал, что никакой работы нет? – недоумевала она. – Ведь ее так много!»

– Это вы заходили в контору на втором причале? – спросил служащий, положив телефонную трубку.

– Да, – кивнула Кармела, плохо понимая, о чем ее спрашивают. – Я.

– Тогда не тратьте время напрасно, – вполголоса посоветовал он. – Работы вам в порту не дадут. Сюда только что звонил начальник второго причала. Он... Вы...

Он говорил еще что-то, но Кармела его не слышала.

«Работы вам не дадут» – повторяла она снова и снова, не понимая, как приспособить эту фразу к себе, к своему настроению. И как быть с ее ощущением причастности к работе огромного портового механизма? «Работы вам не дадут!» – голос продолжал звучать в ушах, почти целиком поглотив ее сознание.

Кармела очнулась только тогда, когда вместо прохлады гулкого конторского коридора вокруг нее непонятным образом вдруг «всплыла» жаркая солнечная улица. Взгляд заскользил по чахлым деревьям, вытоптанной тысячами ног площадке перед конторой и мужчинам в широкополых шляпах, смотревших на нее ленивыми, равнодушными взглядами.

От ближайшей группы отделились трое низкорослых индейцев средних лет. Переваливаясь с ноги на ногу, они загородили ей дорогу.

– Работу ищешь? – спросил один.

Кармела молча кивнула. Мужчина усмехнулся.

– Я с полгода сюда хожу... И ничего!

– Попробуй в городе, – ухмыльнулся другой. – Может быть, тебе повезет...

– Молодая и красивая сеньорита без работы не останется, – осклабился третий.

– Были б деньги, сам бы ей работы задал, – донесся еще чей-то голос.

Кармела развернулась и, преодолев минутное замешательство, зашагала прочь еще более упругой и уверенной, чем раньше, походкой. Она шагала, выпрямив спину и высоко подняв подбородок, чтобы неуверенность отступила от нее...

Нельзя сдаваться, просто нужно расправить плечи и идти вперед!

Девушка непроизвольно прибавила шагу. На глаза навернулись слезы – то ли от слепящего солнца, то ли от обиды. И, удивительное дело, – гул порта уже не казался ей таким интересным и привлекательным. Напротив, теперь он давил на уши и гнал её подальше от моря, в город.

Глава 3

Веселый город

Как и где искать работу в городе, Кармела, разумеется, не имела ни малейшего представления. В поселке работа всегда находила ее сама: она сортировала улов, торговалась с перекупщиками, красила баркас и даже чинила крышу. Кармела сильно сомневалась, что хоть кто-то в Веракрусе ловит креветок – здесь их, наверное, только едят... Да и таких маленьких суденышек, как отцовская, она в порту не видела, только огромные морские корабли.

За портом начались городские кварталы, одноэтажные дома сменились зданиями в два и три этажа; всё чаще стали попадаться мелкие лавочки, где продавались фрукты, тортильяс, всевозможная рыба и, конечно, креветки. Но Кармела смотрела на это довольно равнодушно, хотя вкусные запахи и щекотали ноздри. Ей нужна была работа, а не еда.

Она двигалась в плотной жаре, как в воде, раздвигая телом тягучий воздух. Липкий и влажный, он стекал по вискам, щипал глаза, сушил губы и обжигал плечи. Даже ей, привычной к жаркому солнцу побережья, городская жара показалась особенной: раскаленный воздух не поглощался землей – он отражался от асфальта и стен домов, из-за чего живому существу находиться в нем было нестерпимо.

Не в силах думать ни о чем, она бродила почти бесцельно, разглядывая дома и убогие витрины маленьких магазинчиков, словно незадачливая туристка, забывшая забронировать номер в гостинице и не знающая теперь, где и как можно арендовать на ночь маленькую комнатушку.

Как-то одновременно на нее навалились жара, усталость, чувство голода и жажды. Зной, словно стена, вставал на пути, не пуская вперед и закрывая дорогу к некой «конторе», где ей могут дать работу. Да, да – ведь именно так и бывает! Рауль рассказывал, что и на химическом комбинате в Коацакоалькосе есть контора, в которой дают работу. Правда, как должна выглядеть та «контора», девушка себе не представляла; однако ей почему-то казалось, что она обязательно найдет её!

С чувством голода Кармела научилась справляться давно – она просто «приказывала» своему желудку «замолчать», и... он подчинялся. Но что делать с липким потом, струйками ползущим по вискам и шее, со стёртыми пятками и чемоданчиком, который неожиданно стал таким тяжелым, будто она затолкала в него весь дневной отцовский улов.

Наконец, не выдержав, она сбросила обувь и вздохнула с облегчением – босые ступни оказались в своей родной стихии.

...Неожиданно улица перешла в просторную, замощенную брусчаткой площадь; в центре нее Кармела увидела несколько пустых платформ с поручнями и какими-то ограждениями. А по ее краю кое-где расположились торговцы сувенирами, разложив свою продукцию на расстеленных прямо на асфальте одеялах. Туристы стайками и поодиночке бродили по площади от одного одеяла к другому. На самой большой и многоэтажной платформе в убранстве пластмассовых цветов красовалась надпись: «Веракрус – самый веселый город в мире!»

Кармела подошла ближе.

– *Mecachis!*¹³ – Высокий худой человек в завязанной узлом на животе рубахе из красного шелка кричал на двух девушек в разноцветных халатиках с высокими прическами, украшенными перьями.

– Мне наплевать, что с ней! Вечером она должна быть на четвертой платформе!

Казалось, что просторные халатики девушек развеваются не от ветра, а от его крика.

---

¹³ Тьфу, черт возьми! (исп.)

Внезапно его взгляд остановился на Кармеле. Зрачки глаз моментально совершили движение сверху вниз, отправив информацию в мозг о размерах груди, обхвате бедер и прочих параметрах фигуры.

– Танцевать умеешь? – отрывисто бросил он. – Как только стемнеет, начнется шествие. Мне нужна одна *bailadora*¹⁴ на четвертую платформу.

– Конечно, – Кармела, улыбнувшись, пожала плечами. – Говорят, что я танцую лучше всех в Теокуилько.

– Начинай! – кивнул он Кармеле.

– Что начинать? – растерялась она.

– Давай! Танцуй! – нетерпеливо сказал человек. – У тебя есть шанс. Фигурка неплохая... Глаза Кармелы округлились. Она затрясла головой.

– Нет, нет! Мне нужна работа...

*El patrono*¹⁵ смерил ее взглядом, полным брезгливой жалости.

– Ну так работай... Танцуй! Я тебе заплачу...

«Он собирается заплатить мне за то, что я буду танцевать?! Но такое бывает только в сказке, а в жизни – деньги платят лишь за тяжелую работу...»

Сожалея, что он не предложил ей покрасить эту платформу или что-нибудь еще в этом роде, девушка тем не менее улыбнулась и схватила свой чемоданчик:

– Я сейчас буду готова, сеньор!

Она юркнула за угол платформы, оглянулась и, убедившись, что ее никто не видит, достала из чемоданчика свое любимое черное платье, в котором столько вечеров танцевала на побережье в Теокуилько. Сбросив блузку и оголив на миг упругие округлые груди, она мгновенно натянула через голову платье, расправила его и сняла старую юбку. Кармела плохо представляла, как можно танцевать в юбке и блузке, которые не повторяют движения ее тела, а развеваются сами по себе. Ничего более ей не было нужно.

Оставив чемоданчик на камнях, Кармела вышла из-за платформы, выпрямила спину и начала щелкать пальцами, чтобы задать себе ритм. Ей приходилось танцевать и без музыки – магнитофон Педро частенько ломался от попадающего в него песка.

Платье как-то само собой колыхнулось, словно приглашая Кармелу к танцу, и она почувствовала, что ее тело готово ответить на это приглашение. Она начала двигаться медленно, постепенно убыстряя темп и забывая обо всем на свете; ей даже стало казаться, что вместо брусчатки она видит море, а вместо чужих людей – своих земляков. Черное платье металось вокруг тела, то обнимая его как внимательный партнер, то не поспевая за ним, как проигравшая танцевальное соревнование соперница...

К платформе подошла небольшая группа туристов; один из них достал фотоаппарат и жадно принялся снимать.

Человек в красной рубахе угрожающе замахал руками:

– Э-э, э-э, *pidu!*¹⁶ – возмущенно воскликнул он. – Ты чего? Снимай свои лохмотья!

Кармела остановилась и посмотрела на него удивленно.

– Что вы сказали, сеньор? – спросила она.

– Раздевайся! Что у тебя там, под платьем? Покажи, как ты умеешь трясти своими *tatas!*¹⁷

---

¹⁴ Танцовщица (исп.).

¹⁵ Шеф (хозяин) (исп.).

¹⁶ Горная коза (исп.).

¹⁷ Женская грудь (исп.).

– Что вы сказали, сеньор? – повторила она. – Я могу станцевать еще. Вы правда мне заплатите?

Туристы двинулись дальше – к торговцу, разложившему неподалеку на одеяле выточенные из дерева фигурки индейских богов. Фотограф отстал от них и подошел ближе к Кармеле.

– Это было... очень красиво! – произнес он на ломаном испанском и протянул ей банкноту в двадцать песо. – Вот, возьмите... – Турист смотрел на нее, улыбаясь.

– Благодарю вас, сеньор, – вежливо ответила Кармела, зажав банкноту в кулачке.

– Проваливай, бездельник! – замахал на него руками шоумен. – Побереги свои денежки до вечера. Вот, смотри! – обратился он уже к Кармеле. – Они покажут тебе, как танцуют на карнавале!

Отрывистым и коротким словом он подозвал тех девушек, которых недавно осыпал ругательствами. Сбросив халатики, и оставшись в одних трусиках-бикини, они начали танец. Движения их были непристойны, да и музыки для такого «танца» не требовалось. Кармела смотрела, как колышутся их груди, извиваются гибкие станы, как подрагивают оголенные ягодички, и с ужасом поняла, что ей предлагали делать то же самое.

А как же слово, которое она дала отцу?!

Кармела на миг зажмурилась и отступила за угол платформы.

Подхватила свой чемоданчик и чуть не бегом, едва касаясь пятками земли, ретировалась прочь.

...Почти бесцельно бродила она по улицам, порой не замечая, что идет уже не по асфальту, а по разбитой брусчатке, где и в обуви-то идти было бы неловко; черное платье, похоже, так же грустило вместе с ней, печально струясь вдоль тела и уныло хлопая подолом о ноги...

...Этот город населен людьми, живущими по неприемлемым для нее законам. Они готовы заплатить, если она согласится танцевать почти голой на площади перед огромным скоплением народа, но не хотят дать ей возможность зарабатывать честным трудом. Ей предлагают заниматься мерзостью – выставлять свое тело напоказ перед тысячами жадных мужских взглядов. Неужели непонятно, чем это может закончиться? Мужчины никогда не ограничатся тем, что будут только глазеть на ее тело – за свои деньги они обязательно потребуют...

Кармела передернула плечами.

Нет, она никогда в жизни не согласится! Она не станет заниматься *этим*, сколько бы ей ни заплатили.

«Дева Мария, прости его за его неразумность, он просто не понимает, что делает...»

Но в душе ее не было тревоги и разочарования, а лишь грусть и досада: день прошел впустую. Она поверила в чудесную сказку, которая оказалась обманом, а работу так и не нашла.

Глава 4

Еще одна ночь

Ночь налетела, как всегда, почти внезапно, темнота упала сверху плотным пологом, скрыв огни витрин и погасив окна домов. Кармела и не заметила, как вышла на безлюдную окраину, где уже почти не было ни высоких зданий, ни возбужденных карнавалом прохожих, ни ослепляющих фарами автомобилей. Она двигалась по инерции, не понимая, куда идет и зачем. В голове, как заноза, застряла единственная фраза: «Работы нет!»

Босые ноги ощутили привычную податливость песка вместо жестких камней брусчатки, и Кармела понемногу начала успокаиваться. Вглядевшись в темноту, она поняла, что оказалась на пляже. Уловив шелест волн, пошла к морю, загребая ногами теплый песок и с удовольствием чувствуя, что он точно такой же, как в Теокуилько.

Наконец показалась луна и осветила всё вокруг мягким таинственным светом. Кармела огляделась.

Прямо перед ней в сторону открытого моря уходила дрожащая на колеблющейся воде лунная дорожка. Это была настолько знакомая картина, что девушке на мгновение показалось, что она вернулась домой.

Кармела опустила чемоданчик на песок, быстро сбросила платье и побежала к воде. Море бережно подхватило ее тело и принялось мягко ласкать и целовать его тысячами поцелуев, от которых исчезали усталость и мрачные мысли. Ощущение принадлежности необъятной и бездонной морской стихии захватило ее и наполнило необъяснимой уверенностью в том, что всё так или иначе образуется, всё будет хорошо.

...На берегу Кармела разыскала шезлонг под сложенным тентом и удобно устроилась в нем. Обхватив руками чемоданчик, она принялась разглядывать тайнопись созвездий, мерцающих прямо над ней. Они выглядели точно так же, как и сутки назад – в их тайных знаках ничего не изменилось, а это означало, что ничего не изменилось и в ее планах!

Море серебрилось в лунном свете и вполголоса разговаривало с прибрежной галькой, а тихий бриз нежно гладил по щекам, легко перебирая пряди волос и убаюкивая беззвучными рассказами о морских далях... *«Где-то далеко-далеко есть другие страны и другие люди, есть страна, в которой живет солнце, и другая – где живет счастье...»*

«Завтра я обязательно найду работу! А все деньги буду передавать с Серхио... или с кем-нибудь еще». Лишь за этим и стоило идти на бензоколонку. Только за этим. И тихий ветер гладил лицо, а волны шептались с берегом, пока Кармела, засыпая, размышляла и уплывала куда-то далеко, но никак не могла уплыть, словно лодка, привязанная к берегу...

«Пойду работать уборщицей... Только уборщицей!» – в одну секунду обрывки сонных размышлений сложились наконец-то в такое простое и логичное решение, что Кармела удивилась, как этого не произошло раньше. Дремота рассеялась, мысли стали ясными, острыми и быстрыми и, сорвавшись с места, понеслись вдогонку друг другу. До рассвета она на разные лады раскладывала эту замечательную идею, словно музыкальную партию, и каждый раз идея звучала всё стройнее и привлекательнее, превращаясь в праздничный ликующий хор.

«Как здорово! Если работать по ночам, то можно немного поспать прямо там же, а утром уходить к морю. Значит, до сезона дождей можно обойтись без жилья. Да и наряжаться, обуваться там ведь тоже не нужно...» Она мысленно обращалась к невидимому собеседнику, словно ища у того поддержки. «Это простой, честный труд, за который мне не будет стыдно; кроме того, чистота нужна всем – значит, нужны и уборщицы... Решено!»

Она еще раз искупалась в море, расцветающем под утренними лучами, надела ненавистные туфли, улыбаясь, подняла подбородок и пошла навстречу новой жизни!

...Днем опять пришлось разуться – даже ее терпеливая натура не могла вынести такой средневековой пытки.

Уборщиц нигде не требовалось. Совсем.

В организациях, заведениях и конторах все места были заняты. Хозяева же частных домов, случалось, окинув ее долгим и красноречивым взглядом, жестами приглашали зайти, но... Кармела с тоской понимала: увы, сеньорам требуется вовсе не уборщица. Еще явственнее это понимали хозяйские жены, и девушке приходилось уходить ни с чем, остро чувствуя спиной горячие взгляды хозяев и ледяные – хозяйек.

Стемнело. Обессиленная от усталости, голода и нескончаемой череды отказов, Кармела вернулась к морю. Тяжело опустившись на мокрый камень, погрузила в воду гудящие ноги... Раны защипало от соленой воды, и девушка прикусила губу, едва сдержав тихий вскрик.

Боль усилила закипающую в ней какую-то ожесточенную, отчаянную решимость. «Обойду каждый дом, город вроде не такой большой, а дальше... будет видно. Но домой не вернусь!» И сквозь эту решимость, сквозь это ожесточение боль в стертых ногах казалась не такой острой.

Глава 5

Лаура

На утро третьего дня Кармела оказалась в каком-то странном мире, где всё, что ее окружало, вдруг стало разговаривать с ней на языке еды. Дома вызывали лишь мысль о том, что в них есть кухни, на которых хозяйки готовят вкусный завтрак. Море – в нем водятся рыба и... креветки! Горячий песок заставлял вспомнить о горячей сковородке, на которой жарятся тортильяс...

Кружилась голова, мысли текли как-то вяло и путано... Обоняние обострилось до предела.

С двадцати песо, заработанных ею позавчера на площади, Кармела собиралась начать копить деньги для отправки домой. Но сейчас это решение уже не казалось ей правильным. Двадцать песо – это слишком мало, чтобы отправить их отцу, но зато четверти этой суммы, наверное, вполне достаточно, чтобы купить себе один такос? Всего один такос и всё! И больше она не будет даже думать о еде. Сейчас она найдет какую-нибудь таверну, где продают такосы и... Дальше она не могла рассуждать, потому что рот наполнился слюной, а в желудке возникли спазмы.

Кармела не смогла бы объяснить, почему она пошла именно направо. Может быть, случайно, а может быть, именно оттуда ветерок доносил едва уловимый запах еды. За пляжем начиналась портовая зона, а на краю пляжа, там, где заканчивался песок и начинался асфальт, располагалась таверна. Кармелу охватила некоторая робость, когда она издали увидела кирпичное здание с огромной надписью, причудливо выведенной неоновыми трубками – «LAURA».

Заведение явно не походило на дешевую забегаловку, а стало быть, и цены там, наверное, могли быть выше, но Кармелу это уже не могло остановить. Такос, свернутый из двух больших тортильяс с начинкой из невозможно вкусно пахнущих креветок, заполнил все ее мысли. Сколько бы он ни стоил – она в любом случае его купит и съест...

Девушка уже протянула руку, чтобы толкнуть разноцветную стеклянную дверь, как вдруг замерла, сначала даже не поняв, почему. Справа от нее висела привязанная к вкрученному в деревянный косяк кольцу плотная картонка с короткой надписью: *Es necesario fregar – 500 peso*¹⁸.

Мысль о еде в мгновение ока отошла на второй план. Кармела медленно и внимательно перечитала объявление еще раз. Расправила плечи, выпрямила спину, толкнула дверь и решительно подошла к стойке.

– Здравствуйте, сеньор, – она слегка поклонилась. – Вам... нужна посудомойка?

Как ни старалась Кармела не выдать своего волнения, ее голос дрогнул. Но усатый бармен не обратил на это никакого внимания. Он лишь утвердительно кивнул головой и скрылся во внутреннем помещении, расположенном за стойкой, на которой остались скомканное полотенце и пара бокалов – один кристально прозрачный, словно искрящийся от падающих на него сквозь раскрытое окно косых лучей едва показавшегося над горизонтом солнца, а второй тусклый, еще не протертый.

Девушка невольно оглянулась: изнутри заведение показалось ей еще более роскошным, чем снаружи.

---

¹⁸ Требуется мойщица посуды – 500 песо (исп.).

...Отливающая черным блеском барная стойка, батарея красивых бутылок на витрине, окутанный паром блестящий агрегат с ручками, зеркала в рост человека, салфеточницы причудливой формы, шелест вентиляторов, шум немногочисленных посетителей...

Кармела невольно посмотрела на пол. Потертый пластик был еще влажным после уборки.

«Уборщица у них есть. У них, наверное, и посудомойка есть, а объявление снять забыли», – подумала Кармела и вздохнула. На глаза навернулись слезы – она столько раз обрела и теряла надежду получить работу, что просто устала от этого. Неужели ей опять не повезет?

Блестящий агрегат распространял аромат свежего кофе, но даже он не мог перебить доносящихся из кухонного помещения умопомрачительных запахов. От этих прекрасных ароматов у нее потемнело в глазах. Кармела вся перешла в обоняние и уже не замечала всего того, что еще мгновение назад казалось ей таким интересным...

Однако вскоре Кармела очнулась от наваждения; ей стало вдруг стыдно, что она так зависит от собственного чрева. Глубоко вздохнув, она принялась горячо молиться Святой Деве, Иисусу и своей Святой, чтобы надпись на картонке не оказалась устаревшей.

Наконец откуда-то из недр ресторанички, дробно выстукивая тонкими каблукками, вышла холеная женщина средних лет. Она обладала чуть надменной ухоженной красотой, отличающей дам, желающих всегда и во всем оставаться хозяйками положения. Идеально прямая спина зрительно делала ее выше; еще несколько сантиметров роста добавляли ей царственность жестов и особая пронизательность взгляда искусно подкрашенных глаз. В результате собеседникам Лауры – даже тем, кто на самом деле был выше ее на целую голову, – неизменно казалось, что они глядят на нее снизу вверх, словно школьники на учительницу и оттого боятся произнести что-нибудь нелепое. Однако тому, кому удавалось заглянуть глубже ее царственного облика, открывался добрейшей души человек...

Сложив руки на груди, Лаура молча рассматривала Кармелу; в подведенных глазах сквозило изумление и плохо скрываемое любопытство.

– Меня зовут Лаура Эрнандес, – спокойно сказала женщина, но прозвучало это так, словно она напомнила о своем царственном титуле.

Кармела молча кивнула – она не знала, как себя вести, чтобы понравиться хозяйке и получить работу, а поэтому стояла молча, боясь произнести лишнее слово.

Но хозяйка ничего и не спрашивала. Она так же молча смотрела на стоящую перед ней смущенную девушку, стараясь понять, что заставило ее этим ранним утром просить работу в ресторане.

Она была первой за месяц соискательницей места с *такой* зарплатой.

«Что же привело сюда эту симпатичную девчушку? – размышляла рестораторша. – Сильная нужда? Ссора с родственниками? Страх?»

Она внимательно рассматривала неожиданную посетительницу, но никак не могла взять в толк, каким ветром ее занесло.

Впрочем, нет – Лаура не могла обманывать саму себя – эту девушку нельзя было назвать всего лишь симпатичной: она была по-настоящему красива, но, похоже, еще не подозревала об этом.

Пауза затягивалась; Кармела переминалась с ноги на ногу, съежившись под пристальным взглядом хозяйки, а та не могла решить, стоит ли пробовать еще раз...

И не лучше ли наконец отремонтировать посудомоечную машину?

...Долго на этом месте никто не задерживался. Работа нелегкая, а платить больше сейчас, когда ее муженек Хорхе практически не занимается делами, нет никакой возможности...

Впрочем, почему бы и не попробовать? Несправедливо, конечно, что получать она будет лишь эти жалкие пятьсот песо. Но, с другой стороны, не вечно же так будет продолжаться. –

Хорхе когда-нибудь образумится, и дела снова пойдут на лад. А это значит, что можно будет повысить зарплату своим работникам, пока они *все* не разбежались...

Наконец она прервала затянувшееся молчание. Не всё ли равно, что привело сюда этого ребенка? Главное, что теперь у них есть посудомойка!

– Как тебя зовут?

– Кармела... Кармела Гальегос.

Лаура улыбнулась доброй улыбкой и, еще не до конца веря своему счастью, повела ее для начала на кухню, по пути выслушивая бесхитростный рассказ. Кармела же не могла поверить *своему* счастью и лишь боялась, что ее благодетельница почему-то передумает.

– ...а еще мне негде жить, – пожаловалась девушка.

– Что-нибудь придумаем, – ободряюще отозвалась Лаура, мысленно перебирая ресторанные закутки, в которые можно будет втолкнуть раскладушку.

– А еще... я не девочка на одну ночь! – внезапно вырвалось у Кармелы. Выпалив это и тут же поняв, насколько неуместно такое заявление в адрес Лауры, она остановилась, а на ее щеках стали медленно проступать два красных пятна.

Но Лаура даже не улыбнулась в ответ на горячность Кармелы, а посмотрела ей в глаза так мягко и спокойно, что девушка тут же вспомнила ласковый взгляд матери...

– Это правильно. Ты молодец. Но здесь тебе ничего не грозит. Я сама буду следить за этим... Девочки на панели сходят с ума от этого кошмара, – вздохнула женщина. – Сначала Луис тебя накормит, а потом я покажу, где ты будешь работать.

«А она вовсе не строгая, – удивленно подумала Кармела. – Она добрая... Спасибо тебе, Пресвятая Дева. Спасибо за всё».

«Пусть только попробует!» – в свою очередь подумала Лаура, имея в виду своего благоверного, в котором расчетливость и деловая хватка удивительным образом уживались с какой-то наивной, почти детской верой в сказку. От него жди любого сюрприза – если Хорхе чем-то или кем-то (случалось и такое) увлекался, у него пропадало ощущение реальности. Вот и сейчас: дела идут черт знает как, а Хорхе опять всё сбросил на нее, укатив в Мехико на концерт какой-то заокеанской певички!

Ну как взрослый, разумный мужчина может быть таким легкомысленным?!

Лаура хорошо помнит, *каким* он вернулся из города в тот день, когда увидел в Веракруссе афишу с анонсом единственного концерта той певички в Мехико. Она еще удивилась, как он машину не разбил и сам цел остался. Хорхе смотрел жене прямо в лицо, но не видел ее – Лаура могла поклясться Девой Марией! Конечно, Хорхе тут же сообщил, что ему срочно нужно в Мехико: он непременно должен попасть на этот концерт – он не умел скрывать свои желания. И бесполезно пытаться уговорить его заняться делами... Что уж тут поделаешь – такой у нее муж! Большой ребенок.

Лаура досадливо поморщилась, но детская непосредственность ее большого усатого мужа вызвала у нее наряду с внешне недовольной гримаской немного снисходительной нежности внутри...

Посудомойная являла собой маленькое и тесное помещение. Но у Кармелы эта крохотная комнатка, почти полностью занятая чанами и столами, вызвала настоящий восторг – отныне это было ее личное и собственное *рабочее место!* Как море у отца и плантация у матери. Оно казалось девушке уютным убежищем и вселяло в ее сердце спокойную уверенность в завтрашнем дне. А также и во всех последующих.

– Спать будешь здесь же. – Лаура несколько секунд с сомнением разглядывала узкое пространство между стеной и занимавшей почти треть комнаты сломанной посудомоечной машиной, но всё же кивнула головой. – Я скажу Хосе, чтобы поставил раскладушку.

...Этот монструозный агрегат, рассчитанный по мощности на три таких таверны, Хорхе купил почти шесть лет назад.

Однажды ему в голову пришла отличная идея – как избавиться от мойщиц посуды. Все хозяева заведений на побережье им платили мало – шестьсот-семьсот песо в месяц. Таков был негласный уговор. Но и «человеческий материал» за такие деньги был также «соответствующий». К тому же Хорхе и не располагал лишними средствами, чтобы повышать зарплату своим работникам. Он предпочитал вкладывать деньги в «модернизацию и автоматизацию производства».

Эту фразу он услышал по телевизору, когда министр экономики говорил что-то о промышленности страны в целом, но Хорхе подумал, что модернизировать и автоматизировать его «Лауру» было бы тоже очень неплохо. И тут же сообразил, с чего можно начать: уволить Марию, которая мыла посуду меньше месяца, но уже была замечена пьяной, а затем купить и установить посудомоечную машину. Вернее, сначала купить и установить, а уже потом уволить Марию, но это детали.

Он был так воодушевлен этой идеей, что купил самый лучший агрегат – немецкого производства! Управляться с машиной вменили в обязанность официанткам.

Красивый заморский аппарат работал исправно, и Хорхе был доволен – главным образом тем, что успешно осуществил свой замысел. Он любил добиваться успеха и всегда стремился к нему, как спринтер на самой короткой дистанции. Длинные дистанции ему не нравились.

...Когда полгода назад машина вышла из строя, оказалось, что починить ее несложно (опытных механиков в порту хватает), но для ремонта необходимы детали, которые выпускают только в Германии. Хорхе схватил калькулятор и понял, что дешевле снова нанять посудомойщицу, и... тут же потерял всякий интерес к проблеме «модернизации и автоматизации». Машину накрыли полиэтиленом, Лаура повесила на входную дверь объявление, и... опять началась «текучка кадров», о которой за эти годы хозяева заведения успели забыть.

Посудомойщицы сменялись одна за другой, не успев порой проработать и месяца: кто-то из них бил слишком много посуды, кто-то припрятывал между чанами бутылочку пультке и периодически прикладывался к ней, а кто-то уходил сам, посчитав, что семьсот песо за такую грязную работу – не слишком высокая плата. А когда Хорхе неожиданно увлекся этой певичкой и вообще бросил заниматься делами, Лаура вынуждена была снизить оплату до пятисот песо, и... к ним перестали приходить в поисках работы даже пьющие...

Пару недель пришлось привлекать официанток, которые громко возмущались, да и посуду мыли кое-как, и Лаура с ужасом думала – что будет, когда они вовсе откажутся от такого приработка. Придется либо самой вставать к чанам, либо закрывать заведение... Святая Дева Мария помогла и Лауре, хотя та и не просила ее об этом – Кармела появилась очень вовремя!

Девушка же, разумеется, считала точно так же, с той лишь разницей, что бесконечно возносила благодарственные молитвы!

«Все деньги можно отсылать родителям – питаться я, наверное, смогу чем-нибудь и здесь, – размышляла новая работница. – И нарядная одежда тут не нужна, и обувь... И жить я буду *тоже здесь!*» По всему выходило, что у семьи теперь появились дополнительные пятьсот песо в месяц.

Первоначальное решение искать работу уборщицы теперь казалось ей непродуманным и даже курьезным... Кармела с легкой улыбкой оглядела пустые чаны, словно уверенный в победе полководец свое войско накануне сражения.

Отец будет ею гордиться.

Глава 6

Хорхе

Услышав знакомый кашляющий звук мотора (двигатель у машины Хорхе был не в лучшем состоянии, чем их бизнес), Лаура заторопилась к воротам.

Муженек бережно доставал из багажника картонную коробку с синими полосами и надписью «Panasonic». Увидев жену, он на мгновение замер, но потом вздохнул, захлопнул багажник, взял коробку под мышку и направился к дому.

– Привет, *querida!*¹⁹ – Хорхе, едва касаясь, провел рукой по щеке и шее жены. – Как дела?

Лаура поймала его ладонь и, прижав ее к щеке, заглянула в глаза мужу. Она сразу поняла, что его очень мало интересуют как дела заведения, так и ее личные.

– Как съездил? Ты продлил лицензию? Всё нормально, я надеюсь? – тем не менее спросила она, хотя и с некоторой подозрительностью в голосе.

Хорхе не ответил – он смотрел куда-то в пространство и слегка поглаживал верх зажатой под мышкой коробки.

– Как концерт? Тебе понравилось? – Она переменяла тему, но результат был тем же.

– Надеюсь, это новый кассовый аппарат? – Отчаянная попытка вернуть Хорхе к действительности была заранее обречена: то, что находилось внутри, судя по упаковке, с аппаратом не имело ничего общего.

– М-м-м... Почти... – Он заторопился, словно вспомнив о чем-то важном, но вряд ли это были повседневные заботы их бизнеса.

– Ты знаешь... Мы взяли новую посудомойку! – крикнула вслед Лаура. – Ты не хочешь поговорить с ней?

Хорхе, не оглядываясь, махнул рукой, что могло означать «потом», «я занят» и «я тебе доверяю, пусть работает».

...Плакать и расслабляться Лаура себе не позволяла и в более трудных ситуациях, но сейчас удержаться от слез было очень нелегко. Хорхе не видел ее! Он смотрел ей прямо в лицо, но не сумел прочесть в нем абсолютно ничего! А ведь раньше он понимал ее с полуслова, полувзгляда! Лаура чувствовала: что-то произошло, но что? И в то же время она понимала, что спрашивать об этом самого Хорхе было совершенно бесполезно. Что он может ей ответить? Что его *querida* не занимает теперь все его мысли, что появилось *нечто*, с чем он не может справиться?

Так оно и было. Но почему так случилось? Он не сумел бы ей объяснить, а она – понять.

...Да, это была его идея – открыть ресторан на границе промышленной и туристической зон; он всегда умел найти выгоду даже там, где другие искали долго и не находили. Нужны были деньги – он нашел и деньги! Правда, для этого пришлось жениться на Лауре, но он нисколько не жалеет, что его семейная жизнь сложилась именно так. Он может даже утверждать, что влюбился в свою жену и любит ее до сих пор – иначе почему ему всегда так тревожно, когда он остается ночевать в Мехико или в Монтеррее, когда ездит туда по делам и не может обернуться за день?

Деньги на ресторан дал отец Лауры, владелец сети винных магазинов *Peña*²⁰. Хорхе купил здание, расположенное именно там, где, по его расчетам, была самая высокая «проходимость» и туристов, и портовых рабочих.

---

¹⁹ Дорогая (*исп.*).

²⁰ «Теплая компания» (*исп.*).

Здание было построено сто пятьдесят лет назад, но Хорхе знал толк в кирпичной кладке – прежде чем сделать покупку, он лично исследовал стены и убедился, что постройка простоит еще столько же. На ремонт ушла уйма денег, но оно того стоило.

Открытую веранду, предназначавшуюся в основном для туристов, Хорхе закрыл красивым тентом, защищающим от солнца, но не закрывающим вида на пляж, море и полосу прибоя. Там располагались легкие столики и плетеные кресла; а чтобы у разгоряченных посетителей не возникало желания выходить не в двери, Лаура обставила веранду по периметру... большими кактусами в разноцветных горшках.

Внутри же помещения Хорхе поставил столики попроще и покрепче, чтобы не шатались от ударов кружек с пивом и крепких кулаков портовых рабочих. Хорхе самому по молодости приходилось работать в порту, и он хорошо понимал, чего хочет после смены уставший грузчик или разнорабочий. Ему совершенно не нужны красоты побережья, прозрачная голубая вода и яхты, скользящие по зеркалу залива. Ему нужно почувствовать вокруг себя прочные и надежные стены. Пусть это и не стены его родного дома, но после двух-трех стаканчиков он об этом забудет, расслабится и наконец отдохнет. И, если захочет, врежет со всего размаха по столу кулаком – просто для того, чтобы привлечь внимание официантки.

Серьезных драк или потасовок между местными в «Лауре» не бывает. Правда, пока туда не зайдут матросы...

Тогда жди чего угодно.

...Хорхе предполагал назвать свой ресторан «*Apollo*», рассчитывая, что советско-американское сотрудничество в космосе продлится долго и такое название привлечет немало туристов. А милостивые официантки будут рассказывать им басни о том, как прямо напротив ресторана стояло советское судно «Космонавт Юрий Гагарин» (на самом деле его стоянка располагалась намного ближе к порту) и вся команда, включая капитана, ежедневно приходила в ресторан к нему, к Хорхе!

Затем можно было бы и о сувенирной продукции подумать, да и в меню что-то из русской кухни включить – например, тонкие и широкие тортильяс из пшеничной муки, которые русские пекут на масле и совсем без перца чили.

Словом, планов было много... Но теща потребовала, чтобы заведение назвали именем ее дочери. Мог ли он отказаться? Мог, конечно. Но тогда пришлось бы отказаться и от идеи открыть ресторан. Да и от брака с Лаурой тоже.

Он не отказался ни от чего. В конце концов, «Лаура» – это красиво и благозвучно, хоть и постоянно напоминает о том, кто истинный хозяин семейного бизнеса Эрнандесов, но уж гораздо лучше, чем дурацкое название «Сомбреро», которым наградил свою забегаловку Мигель. Мало того, этот выскочка и построил-то ее в форме мексиканской шляпы. В центре у него кухня, а под полями сомбреро, которые служат тентом, расположены столики... Надо же додуматься!

А друзьям Хорхе предпочитал говорить, что назвал заведение в честь обожаемой супруги и никогда даже не рассматривал каких-либо других вариантов. «Как не рассматривал и других вариантов в выборе супруги», – неизменно добавлял он, если Лаура находилась поблизости. Дальше согласно ритуалу следовал учтивый кивок головой в ее сторону, а в ответ ему – чуть снисходительная, приправленная мягкой иронией, довольная улыбка.

Глава 7

Богиня песни

Хорхе закрыл на ключ дверь своего кабинета, хотя знал, что без стука и разрешения никто не войдет; извлек из коробки видеомэгафон, и, не читая инструкции, торопливо воткнул вилку в розетку, подключил провода, вставил кассету...

И певица²¹ пришла к нему.

Пришла из каких-то неведомых ему земель – из какой-то таинственной страны, где всё так гармонично, что не нужно ничего менять – ибо, вмешавшись, можно только испортить: улучшить уже ничего не получится.

В ней всё было прекрасно – даже не то чтобы прекрасно, а... как-то оправданно, слаженно, уместно.

Идеальная гармония внешности, голоса и наряда производила впечатление какой-то нереальности: она казалась едва ли возможной, едва ли не выдуманной... Наверняка ее образ во многом был продуман продюсерами и сформирован стилистами, но сейчас это не имело никакого значения!

Она не была красавицей в классическом понимании: скорее хорошенькая, нежели красивая, – но все понятия о красоте теряли рядом с ней силу и смысл, ибо, когда она возникала перед глазами, думалось: «Она и есть красота».

Хорхе не мог отвести глаз, но в то же время сам не понимал – почему?!

Все мысли его были там, рядом с ней... Она была одновременно понятной и загадочной, близкой и недостижимой; черты ее лица часто казались Хорхе европейскими, но через секунду он мог бы утверждать, что она родилась по эту сторону океана: в ней не было и толики холодной надменности *gringo*²², а лишь теплая латиноамериканская естественность и эмоциональность! Она настолько красиво и совершенно доводила до публики немудреные в общем-то композиции, что Хорхе ощущал: его возлюбленная певица пела не из-за денег и славы.

Она пела, потому что не могла не петь!

Хорхе осознал, что эта девушка, эта женщина отныне навсегда вошла в его жизнь... Нет-нет, совсем не как Лаура... Жену он любил и хотел. А от этой певицы он просто не мог оторвать глаз, о ней он мечтал...

И готов был слушать ее песни снова и снова!

И чем дольше он смотрел, тем лучше понимал секрет ее обаяния. Так ему, по крайней мере, казалось.

...Она не была похожа ни на кого, но одновременно на всех сразу: на принцессу из сказки и девчонку с соседнего пляжа; на первую любовь и последнюю; на девушку из Тихуаны и на девушку с Юкатана; на подростка и на зрелую женщину. Но Хорхе тут же понимал, что не только в этом формула ее очарования, проникающего прямо в кровь и, подобно наркотику, вызывающего стойкое привыкание...

Стоит лишь один раз увидеть и услышать ее – как уже не обойтись без ее присутствия в твоей жизни.

Внешность? Хорхе покачал головой. Не только – красавиц много, уж ему ли, до тридцати лет считавшему себя первым в порту ценителем женской красоты, этого не знать?

---

²¹ Имя этой артистки будет зашифровано словом «Певица». Название же ее профессии будет написано с маленькой буквы – певица. (Прим. авт.)

²² Житель англоязычных стран, американец (исп.).

Голос? Но и замечательных певиц немало... Пожалуй, главное, что сумел разглядеть в Певице внимательный, чуткий к женским секретам Хорхе – *простота*. В ней не было ничего холодного, надменного, бросающего вызов – всего того, что частенько свойственно эстрадным «суперзвездам».

Только *безопасность*, только женственность. И теплота.

От нее не нужно было защищаться, доказывать свою состоятельность – ее саму хотелось защитить, оградить от зла.

Мужская мечта, и мечта почти доступная: она была рядом. На лице ее не было маски – она была такой, какой была, и казалась беззащитной и наивной, словно ребенок. На сцене находилась не певица, а воплощенный сон о вечной женственности, греза, обрекающая на душевные муки своей невыдуманностью и безыскусностью...

Можно ли описать мечту? Вряд ли. Но в тот день, когда Хорхе увидел афишу, он понял, что его мечта выглядит именно так: ясный взгляд карих глаз, развевающиеся от невидимого ветра волны волос, сверкающие солнечными бликами, вольный разлет бровей и трогательные ямочки на «детских» щеках...

Афиша притягивала к себе проносящиеся мимо взгляды – ловила их, словно бабочек, и заключала в себе, незримо ограничивая свободу их полета четкими линиями чуть неправильного, неклассического лица. И взгляды порхали по лицу, повторяя в своем движении его линии, пытаясь вычислить его геометрию, разгадать его тайну, пленившую их и не желающую отпускать.

С концерта Хорхе вернулся словно контуженный невидимым взрывом.

Он будто ослеп от зрелища света и тени, играющих на высоких скулах, оглох от тишины пауз между песнями, а тело парализовало излучением неизвестной природы...

Переводя дух между заключительными аккордами одной песни и вступительными аккордами другой, артистка улыбалась и рассыпала плавные приветливые слова. И слова эти, произнесенные на непонятном, но уже становящемся для него родным языке, прыгали по сцене, будто бусины с порвавшейся цепочки, а затем игриво и весело сыпались в зал – к зрителям, к Хорхе...

И легкий голос еще долго звучал над его мыслями, взлетев над ними, взойдя словно солнце. Оно зажглось в эпицентре его личного душевного взрыва, и именовалось – «Певица».

Но светило это вошло не только над ним.

После концерта высокий, чувственный голос неповторимого тембра стал звучать в Вера-крусе всё чаще и чаще, пока наконец не проник в каждый уголок. Он доносился со всех сторон, и не так-то просто было спрятаться от него – мелодичные песни звучали, казалось, повсюду и стали частью этого солнечного лета – стали самым летом, брызжущим золотым соком лучей, словно вовремя сорванный сочный апельсин...

В этих песнях была та же гармония, что и в самой певице, и люди желали владеть тем же – хоть частичкой этой непонятной субстанции, хоть кусочком... Они покупали кассеты и диски, делая незамысловатую гармоничную музыку фоном своей жизни.

Но рестораник Хорхе по частоте исполнения этих летних шлягеров был, разумеется, вне конкуренции.

* * *

... Что делает людей горячими поклонниками того или иного артиста? А что делает обычного человека кумиром, «звездой», объектом вождения толпы? Что происходит, когда кто-то становится настолько привлекательным и популярным, что люди верят: отсвет его исключительности ложится на всё, к чему он прикасается, – и они готовы на многое, чтобы заполучить если не частичку этого отсвета, то хотя бы его иллюзию?

Есть что-то бесконечно трагическое в самой атмосфере желания обладать, обнимающей, окутывающей кумира, а в конечном итоге плотно пеленающей его по рукам и ногам – так, что почти невозможно пошевелиться...

Привыкают ли кумиры к тому, что становятся чем-то вроде «золотого тельца», от которого каждый норовит отколоть кусочек для себя? К палаткам поклонников под окнами своего дома? К тому, что их портретами увешаны стены комнат сотен тысяч подростков, грезящих о звездном поцелуе? К рукам, тянущимся к ним со всех сторон? К требовательному ожиданию невозможной безупречности? К вечной маскировке и осматрительности, к охотникам с фотоаппаратами, выслеживающими из-за каждого куста их порой неправильное, неловкое движение?

Получают ли они от этого удовольствие, ненавидят ли это, смиряются ли с этим, зависят ли от этого? Добычей ли чувствуют себя или ловцами, победителями или побежденными? Держат ли звездный образ отдельно от себя, надевая, словно одежду, или врастают в него навсегда? А может быть, это звездный образ вырастает из них?..

А что происходит с ними, когда популярность уходит, и тускнеющее мерцание старой звезды сменяется свежим блеском сверхновых?..

Ответы на эти вопросы таятся за темными стеклами очков, и, если охота на кумира будет удачной, вы добудете эти ответы... Но будьте осторожны: пока вы будете «расстреливать» кумира из фотоаппарата, он всадит в вас невидимый острый крючок, и, возможно, однажды вы обнаружите этот застарелый, заржавленный крючок в себе.

Вы внезапно поймете, что частенько предпочитаете быть кем-то другим, нежели самим собой. Или что долгие годы рядом с вами, в вашей супружеской постели была не жена или муж, а лишь звездная фотография. Или осознаете, что готовы променять на эту фотографию всех живых, находящихся рядом с вами. Или что любить живого человека вы так и не научились – потому что были безумно влюблены в мечту... Или же поймете, что этого звездного света нет нигде – даже у звезды, которая его излучает...

...В то обычное, яркое и знойное лето крючки еще только готовились, только искали своих жертв и, конечно же, находили. К певице тянулось всё больше рук, больше мыслей, больше желаний... Она стала кумиром и в Мексике: страна впустила ее в свой дом, приняла, что не часто случается с европейскими исполнителями. Возможно, это произошло потому, что внешность ее была яркой и необыкновенно выразительной, а в жилах текла кровь сразу нескольких, совершенно несовместимых между собою наций? Временами она была похожа на чистокровную англичанку, в определенных ракурсах – типичная француженка; но если приглядеться, то... «Святая Мария! Да в ней больше мексиканских черт, чем в иной мексиканке!»

Южная красота грела латиноамериканские сердца, а женственность не имела национальности. Певицу просто любили – за то, что она похожа на мексиканку, и за то, что она мексиканкой не является, за то, что она мила, и за то, что она – певица...

Глава 8

Посудомойщица

Кармелу же все эти события никак не затронули. Она не имела ни малейшего представления о невидимом взрыве, прогремевшем где-то рядом с ней в тот день, когда она получила работу в заведении: ее мир с того дня состоял из посуды, посуды и снова посуды – и только.

«Я мою посуду в ресторане в порту! Это очень хорошая работа! Я совсем не устаю! Здесь много вкусной еды! Я живу в отдельной комнатке! Хозяйка очень добрая! Все деньги я буду передавать с Серхио! Я вас всех очень люблю и скучаю! Кармела», – передала она записочку вместе с первой зарплатой.

Всё в ее жизни теперь было правильно и понятно – может быть, нелегко, но правильно...

Дни летели как один. Распорядок ее жизни не подразумевал никаких изменений и был так же прост, как ее работа. До раннего утра девушка мыла посуду, затем купалась в море и дремала в тени, предвкушая, что большой такос, бурритос или энчиладос уже дожидается ее возле чана, на краешке столика из нержавеющей стали. Она чувствовала, что жизнь теперь идет так, как должна идти; она радовалась каждому рассвету, находя удовлетворение в малом...

«Из лишнего рта я превратилась в работницу – отлично! Немного посетителей, мало посуды – прекрасно! Веселый бармен Хосе принесет под закрытие что-нибудь вкусненькое – великолепно!»

От этого радостного настроения работа у девушки спорилась: тарелки летали в ее руках, словно белые птицы, да и сама Кармела была похожа на птичку, плескавшуюся в воде и разбрызгивающую во все стороны сверкающие капли. Повар Луис, работающий в ресторане со дня открытия и считающийся у семейства Эрнандес доверенным лицом, был очень доволен новой работницей. А посему была довольна и хозяйка.

...Доходность заведения не менялась годами, но последнее время выручка стала ощутимо падать: в порту открыли новую столовую для рабочих, а туристов всё чаще перехватывали «Сомбреро» Мигеля и похожие на нее «забегаловки», вызывавшие у Хорхе стойкое раздражение. Он прекрасно знал секреты их успеха в конкурентной борьбе: в большинстве из них можно было без труда приобрести пакетик «травки» или «снять» девочку. Полиция, особо не разбираясь, устраивала облавы во всех заведениях портового района, в том числе и в «Лауре», отпугивая своими налетами последних постоянных посетителей...

Положение день ото дня становилось всё более угрожающим. Если ничего не предпринять, то вскоре Эрнандесы могут разориться... Срочно нужно было придумать, как увеличить выручку, как привлечь новых посетителей и выделить «Лауру» среди конкурентов... Но как, как это сделать, не скатившись до уровня «Сомбреро» и не выбросив всех сбережений на ветер?!

Эта сложнейшая задача требовала от Хорхе максимального напряжения умственных сил, вынуждала задействовать весь свой богатый опыт умелого хозяйственника, наконец, привлечь в союзники свойственные ему некоторый авантюризм и бесшабашность, но вместо этого...

Он приобрел, в дополнение к видео, телевизор «SONY», выписав его по каталогу. Одну из лучших в мире моделей, колоссальных размеров... Вещь почти невероятную для мексиканской провинции середины восьмидесятых – и, удобно устроившись в кресле, целыми вечерами смотрел записи своей любимой певицы.

Семья тем самым лишилась месячного дохода, а компания маленьких боссов этого портового района – своего давнего и верного товарища.

Отныне поездки Хорхе Эрнандеса в Мехико стали регулярными: в поисках новой информации он скупал видеозаписи, пластинки, постеры, музыкальные журналы и даже выяснял возможность заказа недостающих из-за границы – ему не хотелось упустить ни крупинки новостей!

И, как-то незаметно для себя Хорхе стал не просто поклонником, а... одним из многочисленных фанатов Певицы, одним из коллекционеров, готовых отдать последние деньги за раритетный экземпляр ее следа, оставленного на Земле...

На стенах его кабинета появились фото – большие и маленькие, они смотрели на него одинаковыми взглядами больших карих, потрясающей красоты миндалевидных глаз... Лауре это, конечно же, было не по душе, если не сказать хуже – однако до поры до времени она смотрела на поведение мужа сквозь пальцы, ибо не считала опасным. «Пусть делает что хочет, лишь бы не увлекся какой-нибудь реальной женщиной...» – неизменно констатировала она, наблюдая эту фанатскую лихорадку.

И всё же Лаура злилась. «Чем я хуже нее? Ну конечно, эта певичка моложе меня лет на двадцать, но ведь и я очень слежу за собой!» Когда приходили эти мысли, она неизменно тянулась к ближайшему зеркалу и, придирчиво вглядываясь в свое отражение, искала у него поддержки. А зеркало говорило: «Ты прекрасна, спору нет, особенно для своего возраста. Но не требуй от меня невозможного».

«Впрочем, раньше за ним такого не водилось... Мой Хорхе никогда не был бабником! Надо просто подождать, это пройдет само собой», – уговаривала она себя.

Но сумасбродный муж привозил из Мехико всё новые и новые кассеты. К записям видеоклипов добавились концертные выступления и телевизионные шоу. Некоторые видео доставались с трудом и стоили дорого, но это лишь раззадоривало его; тайной мечтой стала поездка в Европу – для посещения музыкальных магазинов.

Несчастный «Panasonic» не знал отдыха: Хорхе смотрел видеозаписи одну за другой. Ракурсы для съемки были выбраны замечательно: создавалось впечатление, что Певица выступает только для того, кто смотрит на нее сейчас – и казалось, что она рядом, что она близко... Только протяни руку. Ее голос постоянно сопровождал Хорхе – певица всегда была с ним.

И это принесло свои плоды.

... Однажды утром Хорхе встал с постели изумленным: впервые в жизни во сне он видел кинофильм: «В портовой таверне выступала роскошная певица-суперзвезда».

Она появилась там как бы ниоткуда, и ее звездное сияние плохо сочеталось с внутренним убранством этой таверны, но...

Это был настоящий концерт: певица работала с той же самоотдачей, что и перед десяти-тысячной аудиторией – пела так же искренне и проникновенно! Гремела музыка, и зрители аплодировали «звезде», а она улыбалась сразу всем и при этом никому конкретно и – горстями рассыпала бусины приветливых слов...

Появившись ниоткуда она и ушла в никуда.

Наступило утро.

Эмоциональный и подробный рассказ об этом произвел на Лауру сильное впечатление: она поняла, что с этого дня жизнь ее мужа изменится – он упорно будет искать девушку, похожую на Певицу; искать, чтобы та пела в «Лауре» под фонограмму «звезды»...

В отношении бизнеса это была перспективная идея, а – надо отдать должное Хорхе – его идеи почти всегда оказывались таковыми. Но для семейного очага – весьма опасная.

Рестораторшу успокаивало лишь то, что эта задача казалась ей невыполнимой.

Те, кто захочет кривляться под чужую фонограмму, ну никак не будут похожи на эту его «Богиню песни»; профессиональной же артистке (ежели он и отыщет таковую) нужно платить большие деньги, чтобы она согласилась выступить у них хоть какое-то время... Да еще в такой роли!

Но все попытки супруги отговорить Хорхе от этой бредовой затеи наталкивались лишь на глухое раздражение.

Глава 9

Я найду

Так прошло несколько месяцев. «Богиня песни» покоряла мир. Ей рукоплескали и Европа, и Латинская Америка...

А у Хорхе же... дело ну никак не сдвигалось с мертвой точки!

...Он был достаточно живым и неунывающим человеком, предприимчивым и самоуверенным; присутствовала в нем и некоторая толика циничности: Хорхе Эрнандес прекрасно знал, как, умножая два на два, получить... пять, а то и десять песо! Но, увы, в музыкальной области он был полным профаном – бедовый ресторатор просто не знал, с чего начать.

...Миндалевидные кошачьи глаза, темные брови вразлет, точеная фигурка снились ему, но и только. Он закрывал глаза и видел милое, чуть неправильное лицо, вздернутый носик, высокие скулы, пухловатые губы и ямочки на щеках, длинные стройные ноги, волны волос и блики солнца на этих волнах...

Но лишь множилась коллекция видео, да стопка журналов росла на полке, вызывая быстрые неприязненные взгляды Лауры.

– Кармела разбила тридцать тарелок, поскользнулась... – буднично сообщила ему супруга за ужином. Прежде, собираясь за столом, они всегда обсуждали ресторанные новости и проблемы.

– Что? – растерянно отозвался он, продолжая есть. – Кто такая Кармела?

– Посудомойка.

– А-а... Осторожней надо быть... Черт возьми, всегда одно и то же! Вычти у нее из зарплаты, – поморщился Хорхе.

– Нет-нет, что ты! Мы и так платим ей гроши, а она так старается, такая умница. Всю зарплату домой отправляет, родителям... К тому же, – улыбнулась Лаура, вспомнив большие лучистые глаза Кармелы, – молоденькая, симпатичная...

Хорхе удивленно посмотрел на жену, аккуратно положив вилку на край тарелки.

– Симпатичная? А где это ты смогла отыскать такую на пятьсот песо?

...Он уже привык к грубо скроенным лицам этих девиц из прибрежных поселков, не нашедшим работы в порту или в городе, и не сомневался, что у новенькой посудомойки рыхлое, бесформенное тело, лишенное талии; широкий нос с горизонтально разлетающимися ноздрями, низкий лоб, тяжелый, слегка скошенный подбородок да глупые глаза навыкат, в которых невозможно прочесть ничего, кроме желания побыстрее и кое-как закончить работу, дабы улизнуть на танцы к портовым ухажерам.

– Вот! – взвилась Лаура, почуяв слабину, – это значит, ты совсем отошел от дел. Ты когда был последний раз *en la cocina*?²³ Все! Мне это надоело!!! Продавай бизнес и живи *como el pobre*!²⁴ – распаялась Лаура. – Можешь увешать ее портретами *весь* дом. Над тобой уже смеется даже София!

– Помолчи, женщина!!! – вскипел Хорхе, подпрыгнув на стуле и оттолкнув тарелку. – Много на себя берешь! Я всё вижу и всё слышу, не волнуйся... Вот найду певицу, и у нас будет самый лучший ресторан на всем побережье!

Лаура лишь махнула рукой – ну что можно возразить на эти дурацкие речи?..

---

²³ На кухне (*исп.*).

²⁴ Как бедняк (*исп.*).

Однако же эта сцена как-то взбудрила Хорхе. Наутро он решил учинить в заведении тотальную ревизию, и даже проверить раскладку продуктов – чего не делал, полагаясь на Луиса, вот уже несколько лет.

Проверка проходила тяжело: Лаура рассказывала ему далеко не всё из повседневных событий. А главное – он своими глазами увидел, что оба зала практически пустуют до полудня, а на обед пришли всего пятнадцать человек... Везде он находил нарушения, а что-то являлось для него *таким* откровением, что у него даже не находилось слов! Хорхе становился всё мрачнее и мрачнее, всё отрывистее и резче звучали его слова.

Ревизия катилась по ресторанчику, словно неумолимое стихийное бедствие, вовлекая в свое движение все, что попадалось по пути.

В посудомоечную он заглянул в конце дня, уже заранее раздраженный тем, что очередную неумеху, как видно, придется уволить (если она станет бить столько посуды не ежедневно, а хотя бы раз в неделю, то каждый месяц придется покупать новый комплект на все столики; черт бы побрал этих бездельниц и пьянчужек!).

– Вы разбили тридцать тарелок, сеньорита, – сходу начал он вместо приветствия, обращаясь в спину посудомойщицы. – Как прикажете с вами поступить?

Кармела вздрогнула, обернулась и посмотрела на него.

...Хорхе пошатнулся. На мгновение мелькнула мысль о землетрясении, но посуда не звенела и не ползла по столу, как это всегда бывает при небольших толчках, изредка посещающих Веракрус. Нет, это всколыхнулась не подземная стихия – опору из-под его ног выбил испуганный взгляд миндалевидных глаз. Темные густые брови, немного вздернутый носик, пухловатые губы. Под черным халатиком, резко контрастировавшим со стопкой белых тарелок, угадывалось стройное, гибкое тело...

Казалось, бездна разверзлась под ногами Хорхе... Он привалился к косяку, пытаюсь собраться с мыслями. Они кружились как-то отдельно друг от друга, не желая связываться воедино для объяснения того, что выглядело сейчас таким невероятным...

Кармела растерянно захлопала длинными ресницами, не зная, что ответить. Улыбка помимо воли расцвела на ее лице, и в довершение «чуда» на совсем еще детских щеках вконец пораженный Хорхе увидел *те самые* ямочки...

Твердая почва окончательно ускользнула из-под его ног, и он завис в невесомости между голубым океаном неба и столь же голубым и безграничным морским простором. Посудомоечная, ресторан, пляж и порт, город Веракрус, да и сама Мексика – просто перестали существовать.

Перед Хорхе стояла... его певица, его «Певица», держа вместо микрофона в красных, распухших от воды руках мокрую губку.

Хорхе ощутил, как он падает из глубины неба в глубину моря, и ухватился рукой за косяк. «Разве так бывает? Нет... Да нет, это просто... Мать Божья... Не может быть... С ума сойти... Черт побери...» – ураган путаных мыслей метеором пронесся в его голове, обдав тело горячей волной.

– Т-тебя зовут Кармела? – едва обретя дар речи, он всё же старался не выдать своего волнения и говорить спокойно, но ему это плохо удавалось.

– Да... – выдохнула девушка и ухватилась за высокую стопку тарелок, словно пытаясь отгородиться ими от хозяина, не сводящего с нее глаз.

– Приведи себя в порядок и приходи вечером к нам домой... – сказал Хорхе, и сам не узнал своего голоса, доносившегося из пересохшего горла.

Стопка посуды, за которую держалась девушка, задрожала, верхняя тарелка соскользнула в пустой чан и с грохотом разбилась. Но Хорхе словно оглох – он даже бровью не повел.

– Зачем? – Ее сердечко провалилось в пустоту. – Я... я заплачу за разбитую посуду...

Хорхе наконец очнулся.

– Забудь про посуду, – для убедительности он скрестил перед собой руки с растопыренными пальцами. – Я нашел для тебя новое интересное дело. Приходи, я расскажу, чем ты будешь заниматься отныне...

Лицо Кармелы вспыхнуло. Большие глаза ее стали еще больше, и в них отразилась вся гамма чувств; она нервно сглотнула и попятилась к чану, выставив перед собой правую руку с зажатой в ней губкой.

– Н-нет, я не хочу... – тихо, но решительно заявила она и, вознамерившись защищать свою честь до конца, в первый раз взглянула хозяину прямо в глаза. «Все мужчины одинаковы!» – было написано у нее на лице.

Хорхе слегка испугался, что, поторопившись, с самого начала испортит всё дело. Эта дикарка еще чего доброго сейчас сбежит, и ему придется разыскивать ее по всему порту.

Он суетливо замахал руками перед своим лицом.

– Нет-нет-нет, это совсем не то, что ты думаешь... милая. Не бойся! Это... гораздо лучше, чем мыть посуду, – скороговоркой выпалил Хорхе и тут же вышел, опасаясь сгоряча наговорить лишнего.

«Лучше уж мыть посуду, – огорченно думала Кармела, извлекая осколки из чана, чем... Ладно, схожу, посмотрю, чего он от меня хочет, но... пусть только попробует сунуться ко мне!» Она хорошо помнила слова Лауры, обещавшей ей поддержку в сомнительных ситуациях.

...Двухэтажный дом Эрнандесов для портовой окраины Веракруса выглядел довольно роскошно. На входе Кармела разулась, однако... так и застыла на пороге, боясь поцарапать своими заскорузлыми пятками зеркальный блеск наборного паркета.

Она нерешительно переминалась с ноги на ногу, а прислуга София довольно бесцеремонно рассматривала незнакомку. Кармела плавилась под ее любопытным взглядом и думала только о том, как бы снова оказаться на улице и убежать обратно в посудомоечную. К счастью, вскоре в дверях показалась Лаура – знакомое улыбающееся лицо несколько успокоило ее.

– Здравствуй, Кармела! – кивнула та, и девушка едва нашла в себе силы ответить.

«Тридцать одна разбитая тарелка, – билась в мозгу навязчивая фраза. – Чем они заставят меня платить за них?»

– Не бойся, дорогая, проходи, – добавила хозяйка; в подкрепление своих слов она взяла Кармелу за руку и повела в гостиную.

– А София подаст нам ужин.

И София, поймав кивок хозяйки, предназначенный уже ей, пошла на кухню, по пути пытаясь сообразить, что же может связывать ее, сеньору Эрнандес, с этой перепуганной милонидной девушкой, чье лицо показалось ей таким неуловимо знакомым...

В гостиной их уже дожидался Хорхе. Девушку встретили как родную и усадили за стол, покрытый белоснежной скатертью. София принесла ужин, но Кармела не притронулась к нему. Сервировка казалась ей слишком шикарной, а блюда – настолько изысканными, что она не могла воспринимать их как пищу. Кармела держалась настолько настороженно и скованно, что Лауре пришлось буквально влить в нее бокал вина, прежде чем та смогла говорить.

– Посмотри на эти фотографии... – Хорхе вручил ей несколько снимков, где Певица в соответствующем наряде и макияже довольно сильно походила на мексиканку. – Посмотри на эту. Вот еще... Это известная певица. Ты слышала ее песни?

Девушка молча покачала головой.

Откуда ей знать, какие песни поет эта красивая мексиканка?

– Ну посмотри же на нее внимательно: не напоминает ли она тебе кого-то? – Хорхе стал проявлять нетерпение. Но Кармела снова и снова отрицательно мотала головой, жалобно смотря не столько на фото, сколько на Хорхе и тщетно пытаясь сообразить, что же она должна ответить.

Добрая Лаура в который раз поспешила ей на помощь. Она принесла зеркало и с улыбкой протянула его девушке.

«Как же я сразу не заметила этого сходства?» – удивлялась Лаура, а Кармела испуганно смотрела на свое отражение и думала только о том, что совсем ничего не понимает... То есть абсолютно ничего.

Не выпуская зеркала из рук, девушка подняла на Лауру вопросительный взгляд, затем перевела его на Хорхе: «Чего же все-таки хотят от нее эти милые люди?»

– Кармела, да ты же как две капли воды похожа на нее, посмотри! – мягко промолвила Лаура и постучала по зеркалу, приглашая снова заглянуть в него, а Хорхе довольно рассмеялся.

«Я... на нее?!» – взорвалось в голове у Кармелы; она тщетно пыталась постичь смысл этой странной шутки, но любые предположения на сей счет отсутствовали.

«Чего они хотят? Что им от меня нужно? – Разглядывая фото „звезды“, она не находила и десятой доли сходства с нею. – Как *это* вообще может быть?! Пресвятая Дева Мария, кто *она* и кто *я?!*» – ее жалобный взгляд словно спрашивал это у певицы, смотрящей на нее большими, непередаваемо прекрасными глазами...

Хорхе же с Лаурой наперебой принялись убеждать ее, что эта сверкающая красавица со сложной прической и множеством украшений похожа на нее как сестра. Наконец и самой Кармеле стало казаться, что определенное сходство между ними действительно есть... И Хорхе, поняв, что девушка заколебалась, поведал ей о своем плане.

Голова Кармелы шла кругом и отказывалась сообщать. Из нее хотят сделать артистку, певицу?

Из нее?!

Что произошло с этими уважаемыми людьми, раз они предлагают ей *такое*? Кармела почти не знала Хорхе – но Лаура? В ее вменяемости она никогда не сомневалась...

– Вы будете платить мне столько же? – лишь смогла вымолвить она, опасаясь, как бы забавы хозяина не помешали ее главной цели – заработать побольше денег для своей семьи.

– Нет! – просиял Хорхе, решив, что Кармела наконец всё поняла. – Ты будешь получать... вдвое больше – тысячу песо для начала, идет? – его глаза довольно блестели. – Посуду больше мыть не будешь, забудь про нее! На твое место я найду другую...

При этих словах Лаура с Кармелой ошутимо вздрогнули почти одновременно, подумав каждая о своем, но, возбужденный успехом своей идеи, Хорхе уже ничего не замечал.

– Давай попробуем немедленно!

– Ты с ума сошел! – глаза Лауры сверкнули. – Дай ей прийти в себя! Иди спать, а мы... посидим, поговорим еще.

– Ну да... Пожалуй, так действительно будет лучше... – вздохнув, нехотя согласился Хорхе. – Но начнем завтра же, с утра!

С его уходом Кармела немного расслабилась и смогла хотя бы притронуться к еде. Лаура еще раз доходчиво объяснила, что и как намерен предпринять ее чудаковатый муж.

Кармела слушала ее с широко раскрытыми глазами, тыча вилкой в опустевшую тарелку; на не умеющем ничего скрывать лице сомнения сменяли то растерянность, то беспокойство: «Я надеюсь, эти добрые люди не заставят меня танцевать полуобнаженной, как на той ужасной площади?»

Лаура тронула ее волосы, едва касаясь, провела пальцами по щеке. Теплая волна спокойной нежности накрыла Кармелу. Она вспомнила, что точно таким же жестом касалась ее щеки Тересия, когда хотела успокоить дочь. Девушка на миг прикрыла глаза, почувствовав вдруг неимовернейшую усталость, словно она перед этим два дня без сна и отдыха мыла посуду.

– Я *лично* не допущу, чтобы с тобой в нашем доме произошло что-то нехорошее, – мягко произнесла Лаура, и Кармела, вздрогнув, не сразу поняла, что слышит голос не матери, а строгой хозяйки ресторана, в котором работает посудомойкой... Впрочем, нет, уже не посудомой-

кой. Если она всё правильно поняла, *работать* ей теперь вообще не нужно. Она будет петь, танцевать и – получать за это каждый месяц тысячу песо! А за тем, чтобы Хорхе не обманул неопытную девушку, проследит Лаура. Ей Кармела доверяла полностью.

Обескураженная событиями прошедшего вечера, Кармела уже собралась уходить, как на пороге опять появился Хорхе.

– Куда это ты собралась на ночь глядя? – удивленно протянул он, и тут же произнес не терпящим возражений тоном, обращаясь уже к жене: – Пусть София постелет ей в комнате для гостей.

Похоже, Хорхе теперь не собирался расставаться со своей чудесной находкой ни на минуту!

Лауре оставалось только подчиниться, а Софии – застелить постель, сохраняя невозмутимый вид и ничем не демонстрируя своего удивления и любопытства, которое прямо-таки распирало ее изнутри.

...Кармела долго не могла уснуть. Она ворочалась на прохладных атласных простынях, недоумевая, почему ее положили одну на широченную кровать, на которой запросто уместились бы и ее братья-близнецы, и Кармела с сестрами – в родительском доме им часто приходилось спать вместе, особенно когда близнецы были еще совсем маленькими. Кармела вспомнила, как они смешно сопели, уткнувшись друг в друга лбами, и чуть не заплакала. Она положила под спину высокую подушку и села на кровати. События прошедшего дня, прокручиваясь в голове, вспыхивали, меркли и никак не хотели выстраиваться в логическую цепочку. Кармела вспоминала мать, отца, братьев и сестер – словно родные образы могли дать ей добрый совет, в котором она сейчас так нуждалась. Вспоминала дом у самой линии прибоя, поселок, раскинувшийся на берегу залива, воскресные службы в маленькой церкви... И танцы на песке.

...Зажигательная мелодия проникает в каждую клетку, ритм становится пульсом, кружащийся вихрь делает тело невесомым, а босые ноги едва касаются песка... Черное платье темной пантерой крадется, догоняет, бросается на бедра и... вновь отстает, не успевая за огненным темпом движений растворенного в ритме танца тела... Окружающий мир превращается в сверкающий калейдоскоп – блеск заходящего солнца сменяется блеском морских волн и блеском восхищенных глаз Рауля... И нет усталости, голода, огорчений и обид. А есть только танец и песня. И восторженные взгляды!

...Наутро она усилием воли заставит себя подняться с постели. Напьется чаю, чтобы приглушить голод, глубоко вздохнет и... начнет суетиться по хозяйству, понимая, однако, бессмысленность подобной работы: за нее у семьи и можно взять разве что *tortillas y mate de coca!*²⁵

Но настанет вечер, она опять наденет свое любимое черное платье и пойдет танцевать, хотя всё тело ломит от усталости, а желудок светло от голода.

Но это лишь до тех пор, пока не заиграет музыка! Тогда всё исчезнет, и всё начнется заново – родится новый мир, восхищенный ее танцем! И Кармела знает это...

«Но вот теперь... Что будет завтра? Я буду петь и танцевать для богатого сеньора? Что ж... лишь бы платил да не лез под юбку. (Она, еще не познавшая мужчину, так боялась этого!) И все-таки... Может быть, я сплю, и это есть сон?»

В результате она всё же заснула и, хотя проснулась уже через пару часов, чувствовала себя бодрой и свежей, словно проспала часов восемь подряд...

А проснулась Кармела, наверное, от любопытства. Ей не терпелось начать новый день, обещающий быть не похожим ни на один из дней ее прежней жизни.

²⁵ Кукурузные блины и чай из листьев коки (*исп.*).

И обещания начали сбываться с самого утра. Для начала ее ждали ванна и роскошный завтрак. Девушка робела, но втайне наслаждалась новыми впечатлениями, безотчетно пытаясь запомнить их все до мельчайших деталей. Она пыталась сохранить любую минуту этого странного дня – чтобы потом доставать их из потаенных мест памяти, отирать пыль и вдыхать почти неуловимый аромат каждого драгоценного мгновения. Ведь эта сказка не могла длиться вечно...

Но необыкновенный день продолжался: в гостиной стоял огромный телевизор и видеомагнитофон. Красивая мексиканка в сотый раз пела свои хиты: пленка местами уже стерлась, и на изображении «выбивало» строки, а звук «плыл». Девушке же казалось невероятным, что вот так запросто, не выходя из дома, можно смотреть любой концерт – и смотреть столько, сколько пожелаешь. Как она мечтала, чтобы рядом оказалась ее семья и увидела все эти чудеса; а Энрике с Эрнесто... они визжали бы от восторга!

А Хорхе... О, как же он хотел, чтобы эта ночь прошла для него быстрее! Сон мог бы спрессовать время, превратив его в один миг, но... Открытая бутылка вина так и осталась нетронутой; он курил сигарету за сигаретой, чего раньше в доме за ним не водилось, и смотрел в небо, усыпанное мириадами звезд...

«Я сделаю из нее „звезду“, чего бы мне это ни стоило... Я сделаю ее не хуже... той, иностранной и недоступной. – Хорхе усмехнулся, словно поймал себя на каком-то мальчишестве. – Будет не хуже. Я уверен! А... моя девочка справится, я знаю, только сначала потрудиться нужно мне!»

...На звезду мы смотрим потому что она излучает свет и потому, что непостижима. Но возле нас есть еще более нежное сияние и еще более великая тайна – Женщина! Сделать свою женщину «звездой», зажечь в ее глазах божественный огонь... Не к этому ли стремятся большинство мужчин?

И не ради этого ли стоит жить?!

...Бессонная ночь принесла свои плоды. К утру Хорхе понял простую вещь – без нарядной одежды и косметики Кармела не сможет ощутить себя певицей.

Привыкший не только принимать решения, но и тут же воплощать их в жизнь, Хорхе ранним утром отправил Софию в центр города, в квартал бутиков, дав ей подробную инструкцию, а Лауре, чтобы подобрать макияж для Кармелы, пришлось не единожды просмотреть видео, где лицо Певицы оператор долго держал крупным планом.

Однако это была лишь прелюдия – основные действия намечались позже. Хорхе собирался отвести девушку к лучшему парикмахеру, косметичке и дантисту, а также пошить сценические костюмы, в точности соответствующие нарядам его певицы.

...Преображенная, Кармела не узнавала себя. Прикосновение красивой ткани к ее телу привело ее в детский восторг. Она уже не была индейской девушкой из прибрежного поселка. Глядя в зеркало, она видела персонаж интересной сказки, действие которой разворачивается прямо у нее на глазах, а вовсе не Кармелу. Она примеряла на себя чужой образ и, хотя еще не стала иной, менялась стремительно. Возможно, сказался генетический опыт предков ее отца – ольмеков, которые частью были изгнаны со своих земель на побережье залива Кампече другими индейскими племенами, частью растворились в пришельцах, приняв их обычаи, образ жизни, начав носить их одежду, петь их песни, верить их богам...

Девушке дали свернутый в трубочку глянцевого журнала – ничего похожего на профессиональный микрофон в доме, разумеется, не было. Кармела робко и неловко взяла его за середину и опустила руку. Пока в ее руке был именно *журнал*. В скором времени, однако, ему предстояло превратиться в *микрофон!*

Но присутствие Хорхе до такой степени стесняло девушку, что он в конце концов понял это сам и удалился.

Целый день она смотрела записи, нажимая на пульте три кнопки: PLAY, REW и FF²⁶ – поначалу робко, боясь сломать «серебристое чудо», а потом всё уверенней и уверенней. Кармела вглядывалась в экран, ловя каждое движение певицы, каждый малейший ее жест. Потом вскакивала и бежала к зеркалу, пытаясь точь-в-точь повторить то, что увидела. Пыталась держать свой «микрофон» точно так же, как и *она*; пыталась, как *она* – двигаться, как *она* – улыбаться и... хохотала, глядя на себя. Иногда их движения не совпадали, но время от времени становились почти синхронными – Кармела уже чувствовала, где певица взмахнет волосами, а где переложит микрофон из одной руки в другую. Неопределенность ушла, а первое напряжение спало: ей уже хотелось пробовать и пробовать, искать и искать, добиваясь сходства.

...Наверное, только мексиканские мужчины знают, насколько упорны мексиканские женщины, когда хотят чего-либо достичь. Впрочем, немцы, наверное, сказали бы то же самое о немках, французы – о француженках, а русские мужчины – о русских женщинах...

Мексиканец Хорхе практически перестал сомневаться в успехе своей достаточно авантюрной затеи, когда взглянул в горящие глаза Кармелы, вдохнул запах ее пота и понял, что разбудил в ней ребенка; да чего греха таить – Хорхе и сам в душе был большим ребенком и... он был благодарен ей! За то, что она согласилась. За то, что у нее получается, и гораздо быстрее, чем он мог себе это представить; за то, что Кармела сама хочет добиться точного, почти зеркального сходства, став (подумать только!) *для него* живой копией великолепной, роскошной, потрясающе красивой певицы, по которой сходила с ума добрая часть молодых мужчин в Европе и Азии...

---

²⁶ Воспроизведение; перемотка назад и вперед. (англ. сокр.)

Глава 10

Чудесный мир

Кармела работала, не обращая внимания ни на что другое. Она не привыкла принимать пищу три раза в день и лишь качала головой, когда София приглашала ее к обеду. Да и вечером, устав за день от непрерывных репетиций, не притрагивалась к ужину, а мгновенно засыпала, едва голова касалась подушки.

Она уже забыла, что не так давно была безумно счастлива лишь оттого, что имела возможность мыть посуду и получать за это немного денег. Но теперь она и не вспоминала о посуде. За внешними изменениями робко, несмело начали формироваться изменения внутренние. Кармела сама захотела попробовать поиграть в эту игру.

«Какое мне дело до капризов богатого сеньора? – думала она, глядя на свое еще не совсем привычное отражение в огромном зеркале, купленном специально для нее. Отражение пыталось поймать и запомнить очередное сложное движение певицы на экране. – Пусть забавляется, лишь бы платил да не приставал!»

Движение ускользало, не давалось, но Кармела, всегда привыкшая «выжимать» из себя максимум, оставляла свое несчастное тело в покое лишь тогда, когда очередной рубеж был покорен!

... Каждое утро всё повторялось вновь и вновь. Певица была гибка и грациозна, но и Кармела была не лыком шита; «звезда» из Европы могла без перерыва отработать два изнурительных концертных часа, но и выносливый организм мексиканской крестьянки, тренированный танцами на побережье, с такой нагрузкой справлялся играючи.

Часами изучая формулу обаяния «звезды», всматриваясь в певицу и вслушиваясь в ее пение так сосредоточенно, как не вглядывался и не вслушивался, наверное, ни один фанатично преданный ей поклонник, девушка не могла остаться к ней равнодушной. Этот образ захватил ее: Кармела уже почти влюбилась в эту далекую, незнакомую ей девушку на телеэкране и стала понимать одержимость Хорхе... Да, в *такую* невозможно не влюбиться!

Энергетику Певицы передавали даже нерезкие, дрожащие записи. Кармеле уже хотелось быть не хуже... И даже непонятный язык, казавшийся вначале смешным, «птичьим», отныне не смущал ее; она захотела научиться разговаривать и петь на этой «абракадабре» так же легко, как на своем диалекте испанского...

Что труд артиста невероятно тяжел, Кармела поняла уже через неделю репетиций, хотя правильнее было бы назвать их тренировками на износ: она уже не отказывалась от ужина – в противном случае у девушки просто не нашлось бы сил подняться утром. Она и так сгоняла себя с постели – навстречу боли во всем теле и... какой-то солнечной, яркой радости, которую обретала, беря в руки уже затертый журнал. Тот послушно и привычно сворачивался в трубочку, а Кармела привычно повторяла заученные наизусть жесты и слова...

В ней сейчас бурлило и выплескивалось наружу всё то, что она недоиграла, недопела в детстве, слишком рано познав нужду и до срока повзрослев. Для нее это была всего лишь игра – захватывающая, прекрасная игра, уводящая ее в сверкающий огнями мир певицы, полный до краев любви и восхищения. Она не думала о том, что будет завтра – просто вставала утром и погружалась в поток незнакомых слов, чтобы вынырнуть из него поздно вечером и, добравшись до кровати, упасть на прохладные простыни – до нового утра, окунающего ее в новый поток.

Хорхе же не знал теперь, каким богам молиться: простая посудомойка на глазах превращалась в ту, о прикосновении к которой он даже и мечтать не смел! Но от Лауры не укрылись ни усиливающийся день ото дня блеск в глазах мужа, ни особая задумчивость, поражавшая его в те минуты, когда он наблюдал за репетициями Кармелы.

– Ты доволен? – Лаура хорошо знала, что означает блеск глаз в сочетании с задумчивостью, и не была намерена лишь безучастно наблюдать за развитием событий. – Ты получил, что хотел... Смотри, как она старается! У нее всё получится, похоже на то...

Хорхе кивнул, не глядя на жену. Вряд ли он слышал, что она сказала. И Лаура поняла это.

– Если ты и теперь не найдешь времени, чтобы заняться семейным бизнесом, я перепишу заведение на себя! И ты знаешь – я смогу это сделать. – Лаура говорила тихо, но Хорхе великолепно расслышал каждое слово и тут же живо повернулся к жене.

– Ведь прошло всего пятнадцать лет, – Лаура продолжала неторопливо гнуть свою линию, – или ты уже забыл, на *чьи* деньги купил ресторан и *кем* был до того, как сумел вскрыжить мне голову? – Она многозначительно выгнула бровь.

Удивление на лице Хорхе сменила жесткая усмешка, но продержалась она лишь до следующей фразы Лауры.

– И попробуй только *дотронуться* до девочки, слышишь?!

Хорхе вздрогнул.

Его взгляд мгновенно стал мягким и даже ласковым. Конечно, он всё слышал и всё помнил... Уж он-то никогда не забывал, что истинные владельцы «Лауры» – его жена и тесть. Но в другой ситуации Лаура сильно рисковала бы, угрожая ему. Кроме денег на свете есть достоинство, самоуважение, гордость, наконец. Его жена поплатилась бы за одно только упоминание о его прошлом, мало достойном уважения, – водились, водились за ним по молодости кое-какие грешки, о которых не следовало знать властям... О, как не любил он вспоминать этот период своей жизни!

Нет, только не сейчас – сейчас он согласился бы на что угодно, лишь бы не спугнуть *свою мечту, свою «Певицу»*, по воле судьбы спустившуюся с заоблачных высот прямо к нему в гостиную... К нему в сердце.

В доме Эрнандесов наступило хрупкое равновесие.

К концу второй недели неутомимому организатору этого странного проекта пришлось ехать в Мехико за новыми кассетами, поскольку многие из старых пришли в полную негодность. Оттуда он привез и свежие записи – композиторы «звезды» были плодовиты, а продюсеры расторопны. Его любимая певица находилась на пике своей карьеры!

Отныне Хорхе уже не требовалось убеждать Кармелу ни в чем – ее голова сама давала задание телу, рукам и ногам, а привыкший много работать организм отвечал ей взаимностью.

Ночью ей снилась певица: Кармела уже чувствовала ее магнетизм, ее настрой, ее экстаз... И когда камера показывала зрителей, девушка представляла, что это *ее* зрители, что восторженный огонь в их глазах зажгла *она* – и ей хотелось стать достойной этого огня!

...Разноцветные лучи прожекторов метались по сцене и зрительному залу, менялись картинками на проекционных экранах, а в глубине бежали буквы, слагающие звездное имя. Густой дым плыл по подмосткам, окутывая ноги певицы и ее музыкантов – и видно было, что музыкантам нравятся мелодии, которые они играют, нравится сама певица, ее песни, а певице – нравятся зрители, музыканты и даже операторы, снующие вокруг них с громоздкими камерами...

И всё это отныне очень нравилось самой Кармеле – ведь теперь это был *ее мир*, и она чувствовала себя его неотъемлемой частью. Этот мир звучал по-особенному – наивно и горячо восхищалась Кармела его мелодией; а люди на сцене уже не казались ей существами с другой планеты. Они уже были не чужими. Напротив, ей казалось, что она знает их много-много лет. Очень хорошие и добрые люди.

...На очередную встречу с Серхио новоиспеченная «певица» прилетела как на крыльях – радостная, счастливая, вся какая-то ожившая, словно светящаяся изнутри. Он был поражен – внешний вид Кармелы, ее глаза говорили о том, что произошло нечто невероятное, но что?

Серхио молча разглядывал девушку и не решался задавать свои вопросы. А когда Кармела вместо обычных пяти сотен протянула Серхио тысячу песо, тот и вовсе лишился дара

речи. Она улыбнулась, пожала плечами и пошла, а он всё сидел, разглядывая через ветровое стекло вывеску бензоколонки.

С хрустом включив передачу, Серхио вырулил на дорогу. Но вместо уходящего вдаль шоссе, едва освещенного ближним светом фар, он видел перед собой счастливые, лучистые, по-детски озорные глаза... своей Адрианы! Время от времени Серхио притормаживал, внимательно всматривался в темноту перед машиной, тер рукой глаза и многозначительно произносил:

– Да-а-а... Порт-то, пожалуй, здесь ни при чем...

– У твоей дочери всё отлично, она такая счастливая, похоже, ей удалось сделать карьеру... в порту, – сообщил он, вручая безмерно удивленному Пако тысячу.

– Карьеру?! – глаза Пако полезли на лоб. – Но она работает посудомойкой... Хотя, возможно, ее перевели в официантки или даже... в барменши?... О, Боги, *а если...*

Весь следующий день он не находил себе места.

Глава 11

Растворяюсь в песне

В здании, приобретенном Хорхе под ресторан, не было ничего хоть сколько-нибудь напоминающего сцену. Да и само оно, сказать по правде, давно нуждалось в ремонте. Требовались деньги, и немалые. Хорхе опустошил семейную кассу, но Лаура этому не препятствовала.

«Может быть, из этой затеи что-то и выйдет, – думала она, глядя, как горят глаза девушки. – Хм, надо признать, иногда у моего муженька кое-что получается...»

...Но Кармела еще не ощущала себя певицей – она лишь хотела ею стать; она хотела попробовать быть похожей на «звезду», поющую на незнакомом ей языке. Она хотела... нет, не влезть в Ее шкуру, не стать Ею... Скорее, Кармела просто полюбила ее, и ей казалось, что она ее понимает. Кармела хотела быть с нею рядом, хотела, чтобы та сказала на испанском ей, Кармеле: «Я ведь тоже не родилась певицей – давай, девочка, трудись – отдавай себя всю, и у тебя обязательно получится!». Кармела ощущала себя ученицей этой прекрасной девушки, на которую она так старалась быть похожей и которая стала ей вдруг ближе всех, не считая семьи. Далекая певица казалась ей кем-то вроде взрослой и опытной старшей сестры, хотя разница в их возрасте составляла всего лишь несколько лет!

Хорхе тем временем развил невиданную доселе активность: здание ресторана отремонтировали, заново выстроили сцену и танцпол. Хорхе сам ездил вместе с нанятым техником выбирать акустические колонки, усилители и микрофоны, доводя спеца до белого каления своей дотошностью.

Его глаза светились едва ли не ярче, чем у Кармелы!

Сценические костюмы он заказал в том салоне Веракруса, где обслуживались лучшие люди города; прическу, макияж, маникюр и педикюр Кармеле делали специалисты из телестудии... Перед глазами этих профи находились многочисленные фото Певицы; сеньоры из кожи вон лезли, добиваясь нужного сходства и стремясь отработать изрядный гонорар. Впрочем, работали они с удовольствием – ведь на *их*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.